

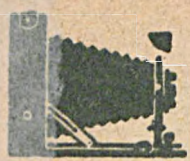
Огонек

НА ПОМОЩЬ НОБИЛЕ

Советский ледокол „КРАСИН“ отправляется на розыски и спасение итальянской экспедиции, потерпевшей крушение вблизи Северного полюса.

Специальный очерк для „Огонька“ руководителя советской экспедиции проф. Р. Л. Самойловича см. в этом номере.

ВЫШЕЛ № 6 ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЖУРНАЛА

СОВЕТСКОЕ ФОТО

посвященный Выставке Советской Фотографии за 10 лет.

НОМЕР ЯВЛЯЕТСЯ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗДАНЫМ АЛЬБОМОМ
и содержит 40 фото-иллюстраций в целую страницу—
лучшие работы с Выставки.

Цена отдельного номера — 50 коп.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ ГАЗЕТНЫХ КИОСКАХ

Подписная плата с 1 июня до конца 1928 года (7 мес.)—2 р. 80 к.,
6 мес.—2 р. 50 к., 3 мес.—1 р. 25 к.

Переводы адресовать: МОСКВА 6, Страстной бульвар 11,
Анг. О-ву „ОГОНЕК“.

16.000 СЛОВ 1900 СОКРАЩЕНИЙ Англо-русский СЛОВАРЬ

ВОЕННЫХ, ТЕХНИЧЕСКИХ, ПО-
ЛИТИЧЕСКИХ, И ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ,

составленный преподавателем
Войска Академии РККА
В. Б. Войничевич-Николаевым
Выдается наложенным пла-
тежом.

Цена 3 руб., в переплете
8 руб. 50 к.

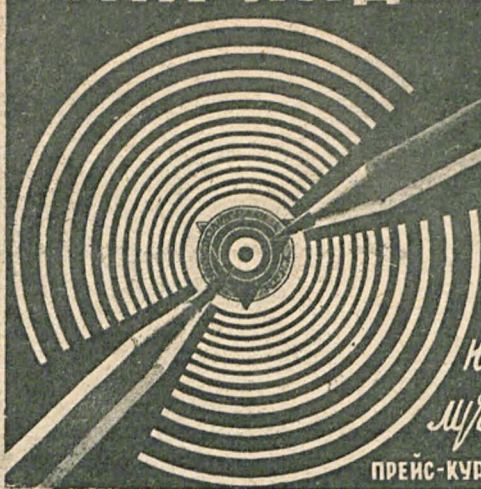
Москва, Центр, Госиздат
„КНИГА ПОЧТОЙ“

УВЕЛИЧЕН. ПОРТРЕТ

Художеств. выполн. в паспарту
можно КАЖДОМУ прислав
получить ЛЮБУЮ
ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТОЧКУ.

Ц Е Н Ы:
18 × 24 см. — 6 р. 30 к.
24 × 30 см. — 8 р. 20 к.
30 × 40 см. — 12 р. 05 к.
40 × 50 см. — 18 р. 75 к.
50 × 60 см. — 24 р. 85 к.
(корич. цвет сепии на 25%, в
красках на 50% дороже.
ПОРТРЕТ высылается наложен-
ным платежом (без задатка) в
кратчайший срок.
Заказы направлять:
Москва, Почт. ящик № 875,
или
Пляника, Ипатьевский пер. 6
Фото-Лаборатория
ПРОМ. КООП. КИНО Т-ва
„КУЛЬТИНО“
Фотография возвращается
в сохранности.

МОСПОЛИГРАФ КАРАНДАШИ

самые дешёвые
не уступающ. качеством
лучшим загранич. фирмам

ПРЕЙС-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНИЮ

ВСЕ КНИГИ

ВЫСЫЛ. НАЛО-
ЖЕН. ПЛАТЕЖ.

ЦЕНЫ БЕЗ ПЕРЕСЫЛКИ.

Немилов и др. — Омоложение в России, 144 стр., с перес. 1 р. 50 к.
Д-р Плато — Женщина в естество-
знании и народоведении, в 2 том.,
с рис., 1.201 стр., 6 р. Потанова —
Ритмич. гимнаст. дыханья (способ
укрепл. и развит. женск. бюста),
с рис., 140 стр., с перес. 1 р. 30 к.
Ангерт — 100 опер (биограф., характ.,
либретто), 277 стр., 2 р. Иванов —
Сбор. сушка и хранение. дикорастущ.
лекарств. растений, с раскрашен.
табл., 96 стр., с перес. 1 р. 25 к.
Михайлов — 270 парфюм.-косм. рец.
в 3 кн., с пер. 1 р. 25 к. Фридрихсон —
Самочувств. англ. яз. (полн. общепон.
руков. в короткое время, без учит.
научиться читать, пис. и говорить
по английски), 273 стр., 2 р. Смир-
новский — Комнатное цветоводство,
с рис., 192 стр., с перес. 1 р. 30 к.
Авгуот Форель — Гипнотизм для
внушения, 304 стр., 2 р. 50 к.
Ф. Менинне — Практ. руков. к живо-
писи по фарфору, фаянсу и проч.,
229 стр., с перес. 1 р. 30 к. Шеман-
ский — Как стать хорошим пловцом,
с рис., 65 стр. 65 к. с перес. Ичун-
нов — Цветники и партеры. Устр.
ковров, клумб, рабаток, арабесок,
цветочн. и лист. групп, с рис.,
189 стр., 2 р. Лавров и Ираковский —
Астрономические ночи. Книга о
откровении вселенной и тайнах неба,
в четырех част., с 200 рис., 303 стр.
2 р. Муратов — Телескоп, его устрой-
ство и применение, с 80 рис., 102 стр.,
с перес. 80 к. Порфиоров — Лепка и
антология русск. поэтов. 311 стр.,
1 р. Л. П. Сабанеев — Рыбы России
(жизнь и ловля), 1062 стр., с рис.,
в перепл., с прилож. рыбол. ка-
лендаря, 6 р. Золотницкий — Аквар-
иум любителя, с рис., 764 стр., 6 р.
Мюллер — Гимнастическ. советы, с
рис., 80 стр., 1 р. Штагель — Пира-
миды физкультурников, с рис.,
266 стр., 2 р. 25 к. Тверской — Спорт
во всех видах, с рис., 368 стр. 3 р.
Уонков и Лазан — Гребной спорт, с
рис., 140 стр., 95 к. Шехмистер —
Коммерческая терминология (пол-
ный словарь), 224 стр., в перепл.,
2 р. Бауэр — Руководство для набор-
щиков, с рис., около 400 стр., 6 р.
Песоцкий — Оборуд. мех. стол.-стр.
маш. и заводов, 184 стр., 2 р. 50 к.
Иж. Вятков — Столярн. наст.
матер. и приемы работ, 110 стр.,
1 р. 75 к.

ЕМЕТНОИТ — Уход и вскармли-
вание детей, 117 стр.; Книга ма-
тери — Как вырастить здорового и
крепкого ребенка, с многочис-
ленными иллюстр. Ц. 2 р. 50 к.,
в пер. тиснен. золот. 3 р. 50 к.

Заказы и деньги направлять:
Ленинград, пр. Водяного, 59/и.
„НАУКА И ЗНАНИЕ“

БЕРЕГИ ВОЛОСЫ УДАЛЯЙ ДЕ- УГРИ ПЯТНА СВОИ ФЕКТЫ КОЖИ: ИГРИ и др.

Испыт. преп. Инстит. Мосмет. Москва, ул. Воровского, № 1А
(у Арбатск. пл.). Адрес для заказов — МОСКВА 19, почт. ящ. № 11.
Спец. мыла, порош. „Кути-Фрик“ РЯВ и следы после
(пр. проф. Унна) удаляет оспенные жировые и красноты
Мед. мыло „Сеса“ (пр. пр. Прыш. Ц. 85 к. (выс. не менее 2 к.)
д-ра Котлея) прот. угрей ПЕРХОТИ
„Хна-Саппин“ прот. вы- Цена 2 рубля флакон.
падения волос, ауда и и дурного запаха ног, рук и пр.
ное средство против ПОТА Цена 2 руб. флакон.
Заказы высылаются по получен. задатка 50 коп. (марками).

Каллиграфия

С. Вольченко.

ИЗДАНИЕ „КНИГОСОЮЗА“.

Только по этому САМОУЧИТЕЛЮ,
существующему 40 лет, дейст-
тельно научитесь писать изящно,
быстро и правильно. Цена 1 р. 25 к.
Налож. платеж. дороже на 25 к.
Москва, Молчановка, 18/0.

Всероссийск. Кооперат. Издат. Союз
„КНИГОСОЮЗ“.

ИЗУЧАЙТЕ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ЗВУЧНО по методу „ПОЛИГЛОТ“

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ
„ПОЛИГЛОТ“

Ростов и/Дон, (сущ. с 1917 г.),
сост. в вед. С.-К. Крайно.
ПРЕДМЕТЫ: бухгат. (общ., фабр.-
зав., банком.), копируют „Де-
финитив“, нем. выч., норвеж.,
делопроизв., стеногр., испр. по-
черка, маш.-стронт. нархит. черч.,
рисован. Требуется БЕСПЛАТНО
проект и условия.
Плата от 1 до 3 р. в месяц.
По окончании курсов выдается
свидетельство.

Изд-во „ФЕДЕРАЦИЯ“

К ПРИЕЗДУ М. ГОРЬКОГО

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

М. ГОРЬКИЙ О ПИСАТЕЛЯХ

СОДЕРЖАНИЕ: Л. Толстой, В. Короленко, А. Блок,
Сергей Есенин, А. Чехов, Л. Андреев, Н. Каронин-Петро-
павловский, Н. Анисимов, Галин-Михайловский, М. Ко-
цюбинский, О. М. Пришвин. Памяти Л. Лунца. О писателях
самоучках. Об А. Франсе. Кнут Гамсун. О Ромэн Роллане.
316 стр. Ц. 2 р. 50 к., в переплете — 2 р. 80 к.

Выславшим деньги при заказе ПЕРЕС. БЕСПЛАТНО.

Заказы напр. по адр. Москва, Центр, Изд-ву
Кольевский пер., 3. „ФЕДЕРАЦИЯ“.

ВЫШЕЛ № 2

ежемесячного общественно-литературного и популярно-
технического иллюстрированного журнала

ЗА РУЛЕМ

В номере — свыше 50 иллюстраций. Цена номера 30 коп.

ТРЕБУЙТЕ У ВСЕХ ГАЗЕТЧИКОВ

ПОДПИСКА: с 1-го апреля до конца года — 2 р. 50 к., 6 мес. —
1 р. 70 к., 3 мес. — 85 к.

Редакция и Монитор: Москва 6. Страстной бульвар, 11.
Анг. Изд. О-во „ОГОНЕК“.

„СЕКАРОВСКАЯ ЖИДКОСТЬ“

ВЫТЯЖКА

из
СЕМЕННЫХ
ЖЕЛЕЗ
приготовленная
по способу
ПРОФЕССОРА
ДА БЮХНЕРА

ЦЕНА ФЛАКОНА
2 РУБ.

ТРЕБУЙТЕ
ВО ВСЕХ
АПТЕКАХ И
МАГАЗИНАХ
САГНИМЕНЕ
СССР

В СЛУЧАЕ
ОТСУТСТВИЯ
НА МЕСТАХ
высылается из
главного склада
НЕ МЕНЕЕ
2х ФЛАКОНОВ
при получении
25х ЗАДАТКА
ПЕРЕСЫЛКА
И УПАКОВКА
ЗА НАШ СЧЕТ

ПЕЧЕВ. УЧР.
И ВРАЧАМ
для испытания
„СРАТИС“

„Моск. опромсоюз“

ЛАБОРАТОРИЯ КООПЕРАТИВА
„Гилен-Москва“

МОСКВА
ул. ГЕРЦЕНА
7/и 5/и
110

№ 26 (274). 24 июня 1928 г.

НА ПОМОЩЬ ЭКСПЕДИЦИИ НОБИЛЕ

Очерк руководителя экспедиции проф. Р. Л. САМОЙЛОВИЧА.

Смелый итальянский воздухоплаватель и конструктор воздушных кораблей, Умберто Нобиле соединяет в себе два резких качества: он талантливый, образованный инженер и, в то же время, выдающийся пилот на воздушных кораблях. В 1926 г.

Без преувеличения можно сказать, что весь культурный мир следил с напряженным вниманием за судьбою шестнадцати отважных исследователей. Однако нельзя было ограничиваться лишь простым сочувствием их судьбе, надо было действо-

гие семь на пловучем льду и относятся к югу.

Восточная экспедиция на ледоколе „Малыгин“ под начальством В. В. Визе будет работать в районе о. Надежда, откуда летчик Бабушкин вылетит на самолете „Ю-13“ на помощь итальянской экспедиции.

Западная экспедиция на ледоколе „Красин“ отправится к берегам Шпицбергена, дополнительно погрузится там топливом и пойдет вокруг севера Шпицбергена к северо-востоку его на помощь Нобиле. „Красин“ является самым мощным ледоколом мира, имея машины в 10.800 индикаторных сил. На борту будет находиться аппарат „Ю-Г-1“ и известный наш полярный летчик Б. Г. Чухновский, который также вылетит на помощь Нобиле. Таким образом, мы с двух сторон, с востока и запада, будем стремиться к итальянской экспедиции.

Район Северного Полярного моря заполнен тяжелым пловучим льдом, и не следует закрывать глаза на то, что даже такой мощный ледокол, как „Красин“ может не справиться с их мощным напором. Но само собой разумеется, что именно этот корабль имеет наибольшие шансы продвинуться вперед, а наличие большого аппарата для полетов значительно облегчает его задачу.

Советское правительство с беспримерной готовностью предоставляет нашим экспедициям пловучие и летные средства, топливо, материалы и прочее. Наше государство поступает с интересом многочисленных своих специальных организаций во имя оказания помощи группе смелых людей, которая с исключительной отвагой отправилась на исследования неизвестных арктических областей.

И мы, участники советских спасательных экспедиций, можем заверить и правительство, и наши общественные круги, что с полным сознанием ответственности, возложенной на нас, мы с великим напряжением воли и энергии в осуществлении поставленных перед нами задач высоко будем держать знамя Советского Союза

ВОСТОЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. Стоят слева направо: тт. Лавров, Лорис-Меликов, проф. Визе и летчик Чухновский. Фот. С. Магазинера.

он, как известно, перелетел на „Норвегии“ со Шпицбергена на Аляску, и с того времени, как это случается с каждым, кто хоть однажды побывает на далеком севере, Нобиле стал энтузиастом севера и горячим сторонником арктических исследований. Сын солнечной Италии, он ни на одну минуту не оставляет мысли о повторении исследований на воздушном корабле арктических областей, суровых, скованных льдами, но столь заманчивых и тающих в себе разгадку многих вопросов научной мысли.

Путем нечеловеческой энергии и чрезвычайной настойчивости, ему удалось, наконец, весной этого года претворить свою мечту в жизнь: дирижабль „Италия“ вылетел из Милана через Столы на Шпицберген. На этот раз Нобиле поставил себе чрезвычайно интересную и оригинальную задачу: имея базой Шпицберген, многочисленными полетами в циркумполярной области вести там систематические научные исследования. Первый рейд Нобиле на восток был совершен блестяще, и „Италия“ благополучно вернулась на свою базу. Выждав соответствующей погоды, Нобиле 23 мая, в 3 часа ночи, вылетает снова, 24 мая, между часом и двумя ночи, получают от него сведения о достижении полюса, где он больше часа летал, а затем взял курс к югу на Шпицберген. 25-го, в 3 час. 40 м., в Кингсбее получено от Нобиле известие по радио о том, что он находится у о. Моффен, к северу в 100 морских милях. Это небольшой скалистый остров к северу от залива Гинлопен, отделяющего западный Шпицберген от Северо-Восточной земли Шпицбергена. С этого момента вплоть до 11 июня от Нобиле не было известий.

вать, и в этом отношении советские научные и общественные круги сразу же приступили к действительному оказанию помощи экспедиции Нобиле. В Москве был организован Особый комитет под председательством т. Уншлихта, а советская группа Международного общества по изучению Арктики при помощи воздушного корабля (Аэроарктик) — избрала в Ленинграде под председательством автора этой статьи специальную комиссию с теми же целями.

В настоящее время организованы две советских экспедиции по оказанию помощи Нобиле. Его экспедиция, после аварии воздушного корабля, при неизвестных обстоятельствах очутилась у м. Ли-Смит, на северо-восточной части Шпицбергена. Часть экспедиции, во главе с Нобиле, в составе девяти человек находится в этом месте, дру-

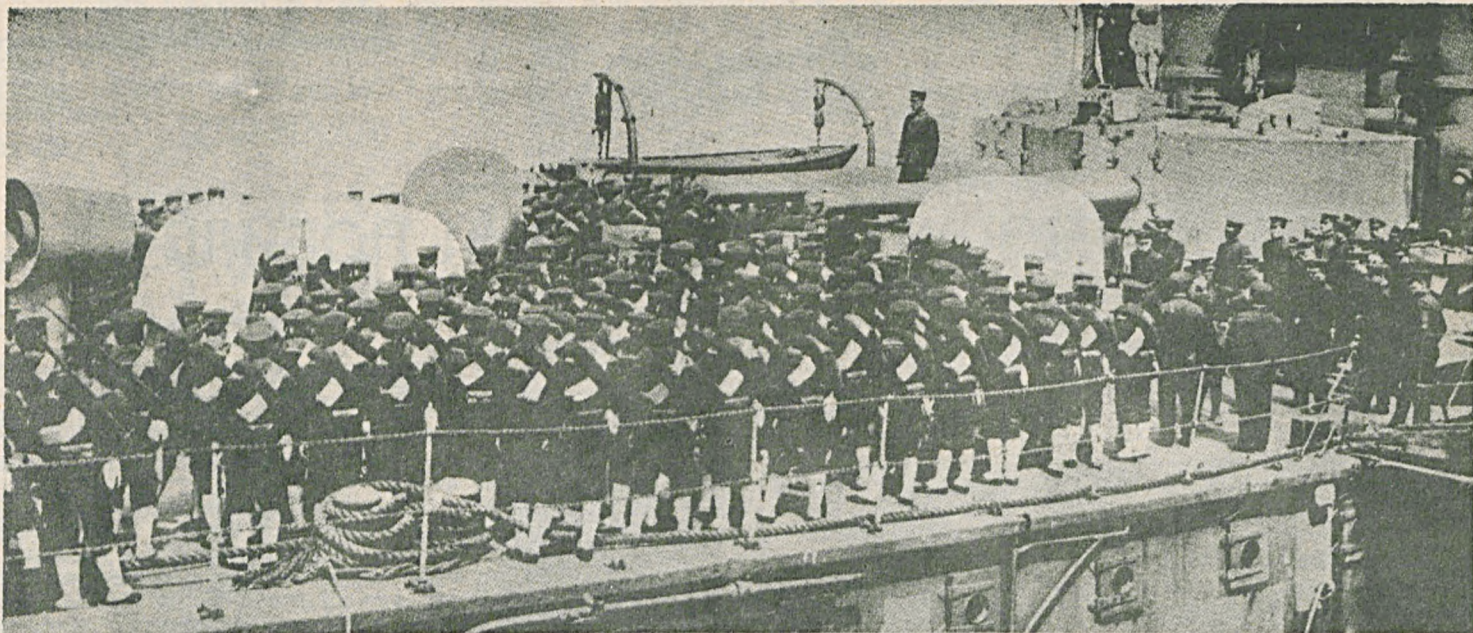

Погрузка на ледокол „Малыгин“ в Архангельском порту.

Русс-Фото.

в далеких ледяных пустынях. Итальянская экспедиция будет спасена!

Р. Самойлович.

МАНЧЖУРСКИЙ УЗЕЛ. Япония наводнила Китай своими войсками и флотом. В Мукден и Пекин с каждым днем прибывает все большее и большее количество японских солдат и матросов. Грозному натиску японских десантов Китай сможет противопоставить только выдержку и единую волю к освобождению своего измученного иностранным и чжанцзюновским террором пролетариата.

П О Р Т - А Р Т У Р

Перец Гирибейн—известный еврейский писатель и путешественник. Он совершил несколько кругосветных путешествий, побывал в Японии, Китае, Индии и Африке. Сейчас Перец Гирибейн находится в СССР и собирает материал для книги о Советской стране на еврейском языке. Ниже мы помещаем очерк Гирибейна о городе, связанном с русской историей кровавыми воспоминаниями,— о Порт-Артуре.

Я стоял на одном из редутов Порт-Артурской крепости и смотрел на маленькую заброшенную гавань, где японские военные суда атаковали русских в зимнюю ночь 1904 года и вызвали этим войну между Японией и Россией. Я смотрел на узкий пролив, где японцы взорвали свое судно, чтобы преградить русскому флоту дорогу в открытое море. По ту сторону скалы простерлось под солнцем открытое море. Где-то там пошло ко дну русское флагманское судно „Петропавловск“, потопившее художника Верещагина, мечтавшего после войны создать поучительную картину против войны.

Японские власти, не спускавшие с меня глаз несколько месяцев и щедро наградившие меня „дружескими чувствами“ и шпионами, не забыли меня и в Манчжурии. В Дальнем и в Порт-Артуре я имел постоянных спутников. Мне привелось быть в запрещенном уголке Порт-Артурской крепости, и специальный провожатый с докторским дипломом, разговаривающий по-английски, водил меня по всем местам и объяснял.

— Отличных и храбрых солдат имела Россия. Они дрались, как львы, только офицеры у них были плохие. Как вы думаете, — спросил он, — нынешние русские офицеры тоже плохие?

Земля здесь густо пропитана кровью. Здесь постигаешь, как чудовищно запутана жизнь и как плохо vezet ее телегу вожаемые, как ужасны повороты, загоняющие лошадей в безысходный тупик. Порт-Артур врезался в море тупым углом своей каменной почвы, похожим на сердце. Конец земли. Крайняя точка Манчжурии. Вот здесь, среди этих скал, была разбита старая Россия.

Японцы основали в Порт-Артуре музей, чтобы запечатлеть память о войне, и на детский лад собрали в нем все, что свидетельствует, по их убеждению, об их победе. В стеклянном шкафу лежат медные духовые инструменты. Музыка имела свою долю в войне, в том кошмаре не двигались с места без музыки. Вот кларнет, продырявленный пулей. В воображении моем предстает музыкант в ту минуту, когда он выдувал военные марши. О чем он тогда думал, что он чувствовал всем своим существом?

Мой спутник спрашивает меня названия инструментов и говорит: „Русские—отлич-

ные музыканты, в разгар сражения они играли на этих удивительных инструментах; рассказывают, что они играли на них до последнего издыхания“.

В ящике под стеклом разложены черные с белыми циферблатами часы; их несколько рядов. Часы остановились в разное время. Немые циферблаты, остановившие время, напоминают о часах агонии. Двенадцать часов, два часа — это могло быть днем и ночью. Часовой механизм продолжал работать и отстукивать долго после того, как остановилось сердце его хозяина. Ветер воспоминаний бродит по этим часам и медным инструментам. Все начинает кружиться перед глазами. Прошлое встает в воображении. Ветер воспоминаний возвращает угасшую эпоху.

Винтовки здесь ничего не говорят. Захваченные пулеметы, большие и малые орудия, — они немые и глухие, они притаились в углу, ни о чем не рассказывают. Но походные флаги, сквозные, как решето, мундиры, холщевые рубахи с каплями засохшей крови, и над ними картина, изображающая двух генералов — генерала Стеселя, русского коменданта Порт-Артурской крепости, и генерала Ноги, того, чья армия довела Россию до поражения. После сдачи оба генерала сфотографировались. Я долго смотрел на картины.

Какой иронией кажется эта картина в музее, где из всех углов ползут на тебя черные тени с красными языками!

Лучшим свидетелем тогдашней русской великодержавности является сам Порт-Артур, расположенный в долине. Здесь все осталось с прежних времен. Сплошь русские строения. Красные кирпичи, близкие и знакомые здания. Мой спутник указывает на них: „Все принадлежало России, и все перешло к нам“. Я спрашиваю его:

— Много русских живет сейчас в Порт-Артуре?

— Один человек.

— Чем он занимается?

— У него пекарня, он печет в ней русский хлеб.

Много заплатила царская Россия за то, чтобы в Порт-Артуре мог жить один русский и печь русский хлеб!

О, музыканты! Где развелись сейчас ваши кости? Если бы я знал чудесное слово, если бы я мог собрать разбросанные кости,

чтобы каждый скелет явился в музей, нашел свой измятый и продырявленный инструмент и вышел на улицу Порт-Артурской закончить прерванный марш; чтоб каждый инструмент продолжил свою прерванную мелодию!

Может быть, задрожала бы вся округа так, как дрожит время от времени сама Япония; она задрожала бы и сбросила бы с себя все укрепления, все эти тяжелые орудия, протянувшие свои жерла к желтым водам моря.

Я называю событие за событием, я вспоминаю имена то одного, то другого генерала, и спутник мой удивляется.

— Какал у вас удивительная память! Я сам уже забыл имена наших великих генералов, а вы, чужой человек, так хорошо помните их.

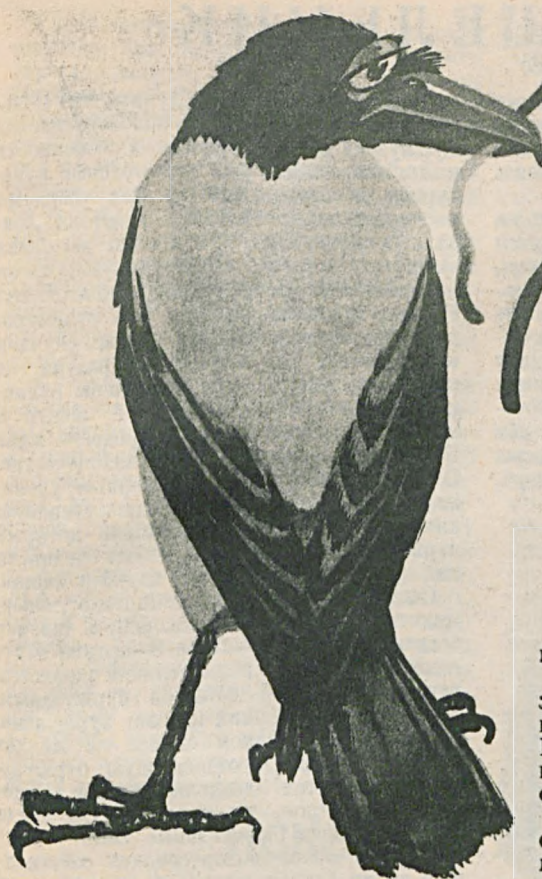
Поди, Расскажи ему, что я здесь не чужой. Поди, Расскажи ему, сколько нам стоил Порт-Артур и как врезались в нашу память имена таких генералов, как Ноги, Куроки, Кодама или Того. Они выдвинули Японию в первый пятый милитаристских держав, они еще загонят ее когда-нибудь в мрачный тупик и прикажут — скажи и срывайся в бездну!

Генерал Ноги причислен сейчас в Японии к лику святых. В день, когда скончался микадо, он и его жена покоились с собой по старому японскому обычаю. Они произвели над собой обряд харакири, вспороли животы и выпустили внутренности. Это означало: микадо нет уже на свете, и роль моя на земле закончена. В честь генерала Ноги сооружена в Токио кумирня, и парод идет туда на поклон, как к святому. Меч войны священен в Японии. Дуло орудия, это — уста жреца.

Единственное утешение для второго участника тогдашней войны, потерпевшего поражение, это то, что меч войны здесь уже не священен. Когда я прибыл из Порт-Артурской в Дайрен — в новый город с населением в четверть миллиона, — мне сейчас же бросился в глаза красный флаг, развевавшийся над серым зданием. Вверху, в правом углу флага — желтый серп и молот.

Серп и молот над зданием советского консульства служат здесь светлым символом для тех, кто хочет увидеть закат штыка и пушки.

Перевод с еврейского С. Гелста.

Замужем за вороной

Фельетон МИХАИЛА КОЛЬЦОВА.

Рисунки К. ЕЛИСЕЕВА.

В тихую пасхальную ночь два молодых голоса перекликались у меня под окном.

Один кричал:

— Христос воскрес!

Другой отвечивал звонко и весело:

— Бро-ось! Ведь сегодня не первое апреля!

Боюсь, что если мы сейчас займемся о положении женщины в наших колхозах, нам ответят без молодого задора, скучающе и брюзгливо:

— Бро-ось! Ведь сегодня не восьмое марта!

Да, сегодня не восьмое марта, чтобы вспоминать о правовом положении женщины. И съезд колхозов тоже кончился, разехался по домам, — с какой же стати писать о них! И женская, и колхозная кампании по календарю кончились, а потому следует мне, повернувшись боком к вдове Авраменко, сказать ей вялым голосом:

— Опоздали, вдова Авраменко. Нет для вас кампании подходящей. До свидания, вдова Авраменко, приходите весной, когда будет женский день, или через два года, когда опять случится колхозный съезд.

Но вдова Авраменко плачет, большие соленые слезы катятся по ее огрубевшим от солнца и ветра щекам. Она сжимает крепкие, но беспомощные руки.

Вдова Авраменко всецело за женское равноправие и за укрепление колхозного движения. Но она не хочет быть замужем за вороной!

В Мелитопольском округе есть коллектив имени Шевченко. В нем членом состоял крестьянин Авраменко.

Состоял, но умер.

Осталась после Авраменки жена Варвара и дочка. Остался за ними пай в двести рублей и надел земли.

Верхушка коллектива мудро регулировала между членами всяческие привилегии и возможности. Почла за благо наградить двойным паем крестьянина Константина Ворону. И формально провела сие награждение самым простым способом.

— Вдове Авраменко с дочкой, с паем и землей выдать замуж за Ворону.

Жалко, на съезде колхозов не обсуждался новый способ паевого накопления, изобретенный в коллективе имени Шевченко. Если разбирался бы — наверное, вызвал бы большое внимание и оживленные прения.

Вряд ли съезд принял бы шевченковский способ накопления паев, как рекомендованный и примерный. Но вожди мелитопольского коллектива плевать хотели на разные там съезды. Они ввели новый способ в исполнение лютым порядком. От щедрот своих наградили мужичка сразу и женой, и дочкой, и двумя даровыми работниками, и паем, и землей. Силой схватили вдову Авраменко и, совсем как некогда умыкали девок, сволокли в избу к Вороне. Вот уж подлинно — „Вороне где-то бог послал кусочек“...

Несчастная крестьянка попала в настоящее рабство. Все-таки она, претерпев дикие издевательства со стороны колхозного мужа по назначению, пошла напролом и — добилась развода.

Теперь Варвара Авраменко живет с дочерью в чужой семье и еле успевает укрывать голову от падающих на нее ударов.

Командиры колхоза поставили вопрос кратко и ясно:

— Или назад к Вороне, или вон из коллектива, отберем у тебя пай и землю, выкинем на двор умирать с голоду!

Всем членам строят землянки. Пришла и вдова с дочерью просить законно ей полагающуюся землянку. На это заправили ответили грубым хохотом и ругательствами.

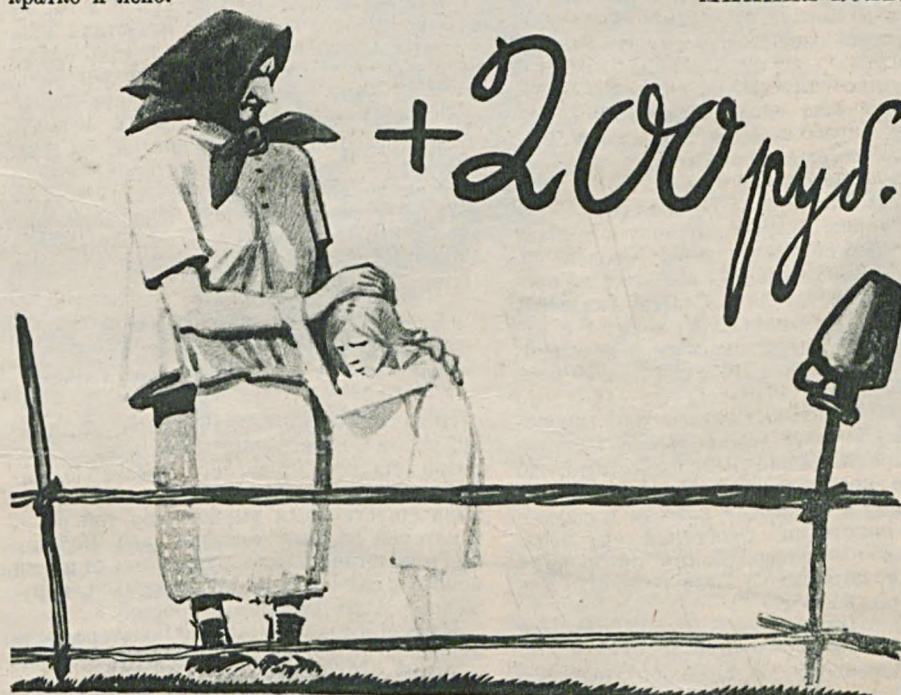
— Пойдешь назад к Вороне, — дадим землянку. Не пойдешь — не видать тебе землянки, как своих ушей.

Можно подумать, что коллектив имени Шевченко затерян в далекой глуши, что на триста верст кругом нет ни партийцев, ни рабочих, ни законов, ни вообще людей.

Но рядом с коллективом есть большой соляной промысел. На промысле — завком, ячейка, всякие другие пролетарские общественные организации.

Так что же, — дожидаться вдове Авраменко следующего восьмого марта и следующего колхозного съезда, чтобы вырваться из-под грубого насилия спешившей компании самодуров? Или, может быть, получив „Огонек“, партийцы на промыслах подымут ресницы на то, что творится у них под носом, и защитят одну из жертв еще несокрушенного ни съездами, ни речами измывательства над человеком?

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Государственный Ученый Совет (ГУС) одобрил и рекомендовал школьным библиотекам ряд книжек „Библиотеки ОГОНЕК“

ФЕРНЕЙСКИЙ ОТШЕЛЬНИК

Очерк А. В. ЛУНАЧАРСКОГО.

30 мая полтора года тому назад умер один из замечательнейших людей буржуазии, а вместе с тем и всего человечества, Франсуа-Мари Аруэ, по псевдониму — Вольтер.

В 1834 г. появилась в третьем номере „Современника“ интересная статья „О русской литературе с очерком французской“. Позднее, в письме к Чаадаеву, Пушкин признал свое авторство. Характеристика, которую дал Вольтеру Пушкин, настолько интересна и так мало известна нашим читателям, что мы приводим ее здесь почти полностью:

„Дух исследования и порицания начинал появляться во Франции. Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, и любимым орудием ее была насмешка — ирония, холодная и осторожная, и насмешка, бешеная и площадная. Вольтер, великан той эпохи, овладел и стихами, как важной отраслью умственной деятельности человека. Он написал несколько произведений с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставлял свои лица кстати и лексикой выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшихся от прозы. И эта личность не владела верхом поэзии; наконец и он однажды, в своей старости, становится истинным поэтом, когда весь его разрушительный гений со всей свободой излился в поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были приписаны в жертву демону смеха и иронии.

„Влияние Вольтера было неимоверно. Около великого копошились шпиги, стараясь привлечь его внимание. Умы возвышенные следуют за ним. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником. Пылкий Дидро есть самый ревностный из его апостолов. Англия, в лице Юма, Гиббона и Вальполи, приветствует „Энциклопедию“. Екатерина вступает с ним в дружескую переписку. Фридрих с ним ссорится и мирится. Общество ему покорно. Европа едет в Ферней на поклон. Вольтер умирает, благословив внука Франклина, и приветствует новый свет словами: „дотле неслыханным“.

„Общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается.

„Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену и терзает все, что еще считается неприкосновенным. Министры Людовика XVI выходят на арену спорить с писателями. Старая Академия, созданная Людовиком XIV, хохочет и рукоплещет. Следы великого века исчезают. Древность осмеяна, поэзия священных книг обругана“.

Пушкин представил эпоху словес промежуточных между дворянством и буржуазией. Сам дворянин мелкопоместный, но в то же время, родовитый, он стоял по отношению к правящим классам в своеобразной оппозиции. Особенной его ненавистью пользовались разные придворные выскочки, которые не были родовиты, как он, и были богаты.

Этого, однако, мало. Центр тяжести источников своего дохода Пушкин постепенно переносит на свою писательскую деятельность. Но не только экономика его, но и его взгляды и интересы связывали его в гораздо большей степени с писательской интеллигенцией, чем со всем массивом дворянства. Волей или неволей, Пушкин выражал интересы передового, высоко куль-

турного и относительно бедного дворянства и тем самым становился любимейшим писателем поднимавшихся не-дворянских слоев. Его не совсем уверенная связь с декабристами известна всем.

Если с этой точки зрения посмотреть на отзыв Пушкина о Вольтере, то становится ясным, что он не сравнится с Вольтером, не поднялся до него, хотя от смерти Вольтера до статьи Пушкина прошло больше полувека. В этом, конечно, сказались отсталость России. В словах Пушкина звучит как бы уверенность в том, что истинная поэзия ближе к тому старому миру, который беспощадно осмеивал Вольтер, чем к самому Вольтеру. Вместе с тем, однако, самую кощунственную из поэм Вольтера,

Голова Вольтера.

его „Орлеанскую девицу“ (La pucelle d'Orléan), Пушкин признает истинным произведением искусства. Тот факт, что „древность осмеяна, поэзия священных книг обругана“, как будто вызывает в нем какое-то содрогание, но вместе с тем он сам не дурак был пошеяться над древностью и обругать „поэзию священных книг“. Может быть, в отзыве Пушкина, полным восхищения и в то же время недоверия, сквозила известная дань цензуре, может быть, он был еще ближе к Вольтеру, чем он пишет; а, может быть, к 34-му году, когда Пушкин испытывал значительное ослабление своих некогда ярких революционных симпатий, он уже отошел от Вольтера, и расстояние между ним и великим идеологическим вождем шелшей к своим победам буржуазии сделалось больше, чем было. В том же 1834 г., в недокопченном стихотворном отрывке, Пушкин писал о Вольтере:

С очами быстрыми, завистливыми злобой,
С устами, скатыми циничской улыбкой,
С плешивым черепом, зеркалом дум,
Еще с ребячества своим бесстыдным нравом
Пленил меня старик...

Циничская улыбка Вольтера, которую мы видим и на его портретах, и на знаменитой статуе Гудона, его чрезмерно ироничный, часто несколько грязный тон — были естественным выражением той роли, к которой он был призван, ибо Вольтер был идеологическим разрушителем от имени нового класса веками устоявшихся, окруженных благоговением ценностей.

Первой и главной задачей Вольтера было именно разрушение. Так как разрушать приходилось нечто благолепное, подобострастно почитаемое за высоту и святость, то не могло быть оружия страшнее, чем позорищный смех, — смех, в котором чувствовалось презрение победоносной мысли ко всему только что обоготворявшемуся, а ныне отбрасываемому хламу.

Отнюдь нельзя, однако, думать, что Вольтер не нес с собою ничего положительного. Буржуазия к этому времени, в особенности в Англии, создала уже значительные культурные ценности. Вольтер был усердным распространителем взглядов Ньютона, Локка и отчасти Юма. Он крепко держался за науку. Он твердо верил в разум. В своем интересном очерке „История человечества“ Вольтер признает целиком все существование человека до сих пор слепым случаем и глупостью. Но именно от разума, от науки — от того, что мы назвали бы рационализацией всей общественной жизни и отношения человека к природе, — ждал Вольтер преобразования судьбы человечества. В этом отношении он был верным учеником своего великого предшественника, английского канцлера Бекона, который первый создал утопию о победе человека над природой при помощи науки и машин.

Но у Бекона, в его „Атлантиде“, побеждает не человек как таковой, а человек богатый, предприниматель. В картине будущего, построенной этим великим идеологом буржуазии, строй остается буржуазным. Вольтер тоже великий идеолог буржуазии. Он тоже ни в каком случае не желает переступить грань, отделяющую буржуазный мир от тех идеальных картин общественного строя, до которых уже тогда доходили более решительные умы.

Вольтер очень интересовался собственным своим благополучием, был настоящим индивидуалистом, накопителем. К концу своей жизни он превратился в весьма крупного капиталиста. Его кредитом пользовались некоторые мелкие государства. У него было 4 больших имени, ткацкая фабрика, он эксплуатировал довольно много часовщиков в Женеве. Вот почему Вольтер был сторонником порядка, который защищал толстый кошелек.

Вольтер отнюдь не ссорился с монархией. Многие государи того времени, между ними Фридрих и Екатерина, являются его корреспондентами, покровителями и почти друзьями. В поэме „Генрих IV“, а также в трагедиях, как, напр., „Законы Миноса“, в таких исторических сочинениях, как „Век Людовика XIV“, Вольтер прославляет разумную монархию. В этом нет ничего удивительного, так как эпоха Вольтера не даром носит название просвещенного абсолютизма. Он являлся особенно ярким выразителем наступления торговой, отчасти уже и промышленной буржуазии, в союзе с государами крупных монархий, на старый феодальный строй.

В своей борьбе с духовенством (которое он считал главным злом) Вольтер хотел издать известное социалистическое завещание священника Мелье. Он читал его, как соратника в борьбе с религией и церковью. Но в действительности Мелье был велик не этим, но своей ненавистью к главному устою неправды на земле — к частной собственности. Здесь Вольтер относился к нему отрицательно и называл его учение возмутительным. Даже в своей философии Вольтер осторожно обходил вопрос о боге. Он был в гораздо большей мере деистом, чем атеистом. Эта умеренная позиция как нельзя больше подтверждается известным письмом Вольтера — „К соседу“, в котором он прямо так и говорит, что если бы этот атеистически настроенный небогатый сосед имел такое количество имущества и крестьян, как он, Вольтер, он понял бы, почему нужен бог.

„Если бы бога не было, его нужно было бы выдумать“, — хихикал своим беззубым ртом великий хитрец.

Пушкин приписал Руссо и Дидро к сонму учеников Вольтера. Он не был неправ; конечно, и Руссо, и Дидро многое позаимствовали у Вольтера. Но Руссо был представителем мелкой буржуазии женековского ремесленного типа. Печать идеологии этого класса он донес до самой могилы.

Руссо — величайший философ мелкого мещанства. Как таковой, он дерзал заходить гораздо дальше, чем Вольтер. Недаром Максимилиан Робеспьер был его верным последователем. Для мелкого мещанина собственность более крупная, чем та, которой он обладает, является таким великим врагом, а его имущество часто такой гирей на собственной шее, что у мещанских партий (которые любят называть себя радикал-социалистическими) мы часто имеем типичное колебание между мелко-собственным индивидуализмом и каким-то стремлением к уравнительному полусоциализму.

А если Руссо был значительно более смелым социологом, чем Вольтер, то Дидро был значительно более смелым философом. Будучи представителем лишенной серьезного экономического веса интеллигенции, игравшей роль полусекретарей — полукамардинеров, писателей, живущих не столько от публики, сколько подачками вельмож, которым они посвящали свои сочинения, Дидро не имел никаких, так сказать, органических социальных причин притуплять свою мысль. Наоборот, часто много блестящих острот его парадоксов служили ему во славу. Это позволяло гениальному человеку подниматься иногда до высоты глубокого материализма, подходящего подчас к самому кругу материализма диалектического. Но все же, конечно,

это не освобождало Дидро от колебаний и срывов.

Прав Пушкин и в том, что он связывает революцию с Вольтером. Вольтер, конечно, был предшественником революции.

Только совершенно тупые и поверхностные люди могут говорить о том, что революция была вызвана трудами философов и, в частности, патриарха их — Вольтера. Наоборот, те самые силы, которые растлили революцию, оставаясь еще под-земными, уже сказывались в предварительном появлении отдельных фигур, отдельных талантливых и проницательных умов, все более грозно враждебных по отношению к обветшалому старому строю.

Но неправильно также смотреть на Вольтера и подобных ему людей, как на простой симптом социального процесса, как на какое-то сопровождающее явление, и только. Наоборот, подготовка умов к грядущим событиям является очень важным процессом, и, как вторичная, производная сила, вольтеризм являлся, конечно, организующим началом не только для растущей французской буржуазии, но и для всех буржуазных или полубуржуазно-дворянских прогрессивных элементов в Европе.

К чести Вольтера надо сказать, что те годы, когда он проживал в своем Фернейском имении, в огромном комфорте и окруженный исключительным уважением, он не оставался чужд общественности,

проповедывал религиозную терпимость, боролся с влиянием духовенства. Он с огромным блеском вмешался в знаменитое дело Калласа и Сирвена¹ и много способствовал этим своей славе патриарха разума.

Когда в 1778 г. Вольтер приехал из Фернея в Париж, самым блестящим овациям не было конца. В театре, во время представления трагедии „Ирэнэ“, публика устроила Вольтеру головокружительный триумф. Через несколько дней после этого кульминационного пункта признания своего величия и плодотворности своей деятельности Вольтер умер.

Мы великолепно знаем исторические рамки, которые ограничивали кругозор Вольтера. Более, чем у кого-либо другого из великих умов, видим мы у Вольтера яркое выражение буржуазности. Это не мешает, однако, нам признавать величие его исторической роли, забавляться его едким остроумием, считать его во многом нашим союзником в той антирелигиозной борьбе, которую приходится вести пролетариату. Рядом с великими материалистами XVIII века может быть поставлен в качестве помощника, подающего нам ту или другую меткую стрелу, и саркастический фернейский старик.

А. Луначарский.

¹ Каллас и Сирвен — жертвы религиозного изуверства во Франции в XVIII веке, в защиту которых Вольтер выступил в брошюре „О терпимости“.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ ХУЛИГАНСТВА

На снимках — двор на 1-м Воздвиженском переулке, где происходило истязание Кауфмана; слева — муж и жена Кауфманы.

Фот. С. Фридлянда.

В одном из московских переулков (1-й Воздвиженский № 18/а) недавно произошел случай, представляющий собой проявление доподлинного махрового черносотенства и хулиганства.

Веселая компания, состоящая в большинстве своем из родственников и сородичей владельцев виднейших гастрономических фирм Охотного ряда, решила „позабавиться“ над безработным стариком-евреем и его дочерью, живущими в их доме. После предварительной „подготовки“, выразившейся в обещании — „скоро будем всех вас, жидов, резать“, охотнорядцы

начали ловить старика, связывать его веревкой, валить на землю, катать по нем пустыми бочками. Наконец последовал последний этап, последнее достижение хулиганства и черносотенной техники. После полуночи компания черносотенцев подстерегла старика-еврея, бросила на землю, обвизала шею веревкой и за веревку начала тащить к забору. Затем они начали ломать двери жилища жертвы, хотели вытащить дочь истязаемого и ее изнасиловать. Эти хулиганские действия продолжались до самого утра, и только начавшееся пробуждение квартала заставило погром-

щиков отложить свое „развлечение“ до более удобного случая. Впрочем, на следующий же день двое представителей лихих охотнорядских молодчиков, не успевших довести свое дело до конца, явились к старику и предупредили его, что если он посмеет пожаловаться на них, то его попросту „приньют“ (убьют).

По делу этого возмутительного истязания Московской Губпрокуратурой произведено срочное следствие. Удешевшие от старого и доброго для охотнорядцев времени поше-сут должное наказание от пролетарского суда.

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАССКАЗ

Рассказ *ЕФИМА ЗОЗУЛИ.*

Солнце светило в окно вагона. Оно жгло. Оно беспокоилось. Белые узкие дороги были выжжены им и выглядели из горных склонов, как лида без бровей и ресниц. А горы — горы Средиземного побережья — круглились и сутулились пышной и упрощенной библейской живописью. Пахло яблоками. Пахло свежей водой — море было уже видно. И столько радости вокруг!

Я дрожал от радости. Без всякой причины. Впрочем, причины были: я ехал из Парижа. Я славно отдохнул. Меня провожали товарищи. На вокзале кто-то купил — за несколько франков, за гроши — «картон де репэ», в которой были вилка, нож, хлеб, ветчина, телятина, сыр, горчица, соль, лимон, еще что-то. В вагоне против меня целовались беспрерывно француз с французкой. Он целовал ее, гладил по голове и плечам, целовал руки, подымал ее ноги, снимал с них туфли и пытая устроивал французку на скамейке с максимальным уютом. Но не успевала она устроиться таким образом, как он устал, с комичной непосредственностью разбрасывал руки и ноги, опускал на грудь голову, и тогда она принималась целовать его, гладила его по голове, по лицу, целовала его руки, тоже подымала его ноги, снимала с них туфли и тоже устроивала на скамейке точно так, как он устроивал ее. Через несколько минут он опять спускал ноги со скамейки, одевал туфли, и все опять начиналось сначала. Когда я на своей скамейке поворачивался к ним спиной, они почему-то смущались и просили меня не беспокоиться и лежать, как мне удобно.

Поезд летел с сумасшедшей скоростью. Руки у меня были в копоти. В потемках мелькали огни, подскакивая и опускаясь. Все время щекотала радость. Вагон качался с угрожающей силой, и смешивала заметка, которую я прочитал утром в газете, что тут, по этой дороге в Марсель, столкнулись на днях три поезда. Три поезда! Было неловко улыбаться, мне самому было странно, почему я улыбаюсь, к тому же парочка могла принять улыбку на свой счет; но губы неукротимо кривились, и я закрывался газетой. Три поезда! Вот так так! Это ловко! О таком столкновении я никогда не читал...

И я опять лег на скамейку. Пассажиров не было — я мог свободно вытянуть ноги.

Позади был Париж. Меня хорошо провожали товарищи. Перед отъездом мы были в мечети в районе Ботанического сада, в которой устроен турецкий ресторан. Странная мечеть... Пили, вместо вина, теплую водичку. Толстый турок играл на заунывно-трескучем барабане — «дербука», пел вековую чепуху. На низких диванах лежали парижанки — совершенно не украшенные, очень хорошие молодые девушки, очень скромные. Они слышали треск дербука. В их глазах была та муть, которая говорит о думах над жизнью; звенящий, гулкий, сиротливый треск инструмента и бабий голос турка с кривыми zavитушками-треями, бесстыдными для взрослого мужчины колоратурами и воплями — может настроить на разные думы. Да, слушая это, можно подумать над жизнью, над ее странностями, над ее резкостью, над ее трудностью.

Когда начался рассвет, француз с французкой спали: она сидела, а он — уткнувшись головой в ее бок. Все вокруг стало серьезно, значительно. Розоватое небо, еще темное с запада, не знало с чего начать, как расставить свой инвентарь: куда положить начинающие наползать оранжевые, синие, серые, желтые и фиолетовые полосы, как разбросать и осветить редкие облачка. Великая усталость чувствовалась в предутреннем молчании. Уже на

тысячу ладов расставлялось все это. Надоело и так и этак, как старой хозяйке исчерпанное меню. Но что же делать: типична кончается, надо начинать день. И все же — как это хорошо, как все это прекрасно!

А вот и Марсель, с белыми лестницами на небольшом вокзале, с небольшим сквериком и опять лестницами. Пахнет югом, цветами, морем, миндалем. На высоких деревьях сидят садовники. Они обрезают сучья, тротуары и часть мостовых наполнены ими. Внизу стоят люди и смотрят. И вот он — весь Марсель, с толпами, цветами, трамваями, автомобилями, горячими камнями и синевой.

Мне было весело, и это веселье я мысленно называл не иначе, как телечьем. Я зашел к парикмахеру, побрился. Побежал по знаменитой короткой улице Канебер к морю, в которое она прямо упирается, и тут сразу закивали мне лодчики: узнали — по взгляду, по трепету — верного клиента. Они не ошиблись. До вечера носился я с ними по серо-синим, тяжелым, злым в этот день волнам, носился далеко за подъемным мостом и волнорезом. Вода хлестала в лодку, казалось, целыми ведрами. Девушка-англичанка сидела мокрая, с почти прилипшим платьем. Лодку заливало только с ее стороны. Я предложил девушке поменяться местами. Она согласилась. Вода стала заливать меня. И это было приятно! Думалось почему-то о высоком, значительном. Стук мотора вызывал в памяти музыку, и в промежутках между музыкой, шумом моря, солнцем и неиссякаемым весельем я жестко думал: «Ничего, дома трудно, очень трудно. Жизнь серьезна, тяжела, мы озлоблены, но мы не устали, нет, мы будем работать и добьемся жизни хорошей — лучшей, чем здесь».

Под вечер, усталый, мокрый, я обедал в прибрежном ресторане, на веранде. Жареная рыба отдавала югом. У лакея почему-то было серьезное, умное, убежденное, неподкупное лицо. Такие лица бывают у крупных политических деятелей в период их молодости, когда они целиком верят в то, что делают.

Я сам для себя играл чуть-чуть смешную роль неизвестного человека — иностранца, независимого и созданного для удовольствий. Я снисходительно разглядывал оседей — мулатку-актрису с голыми руками, обедавшую в обществе блестящих красавцев-мужчин. Я одобрял ее, и после второго стакана вина снисходительно разрешал ей жить, веселиться, сверкать зубами и роскошью смуглых рук. Пожалуй! Живи! Я одобрял всех. Я откинулся на спинку стула и блаженствовал. Правда, рука привычно тянулась к карману, чтобы нащупать красный с золотыми тисненными буквами советский паспорт и деньги, завернутые в газету. Но это делали пальцы — это было их дело. Они телеграфировали сознанию, что блаженство может продолжаться.

Потом наступило буквально блаженное оцепенение: два дня я жил настоящим «марсельцем». Я «забыл», кто я. Помнили об этом только пальцы, нащупывавшие несколько раз в день паспорт и деньги. А я был неизвестно кто, созданный для того, чтобы «наслаждаться». Я покупал цветы у толстых торговцев, сидящих в высоких киосках, как плохо нарисованные бахусы на бочках, заброшенных зеленым виноградом. Я пропускать мимо себя толпы на главной улице, точно принимал парад. Я вдумывался в каждого человека, воображал, кто он, что он. Я не взлюбил толстого обрюзгшего марокканца — повидимому, крупную шишку шагавшего по улицам

в окружении небольшой свиты. В носках, в туфлях, с обвязанной головой, в национальных хламидах, но с мордой, откормленной в европейских ресторанах, он, мне казалось, демонстрировал продажность и предательство. Ну, зачем он, сытый и полупьяный, таскался по марсельским улицам? Ведь ясно, он не приехал бороться за Марокко, за поработенных братьев своих. Он приехал их продавать. О, он не был похож на колониальных солдат, которые попадались на улицах Марселя. Те были одеты не так, как он. Те носили зеленые дешевые шинелишки, а на ногах — обмотки, очень плохие и тощие, не лучше тех, которые мы носили в девятнадцатом году. И лица у них не такие, совсем не такие, как у этого.

Несколько раз я пытался все же разобраться в своем самочувствии: чем я заразился? Почему мне так весело? Отчего вдруг так покойно и хорошо? Ну, конечно: хорошо потому, что дома я много работаю, обыкновенный рабочий день в среднем длится у меня 10—12 часов. Ну, конечно: дома есть заботы — те заботы, от которых быстро и незаметно седеет голова. А тут я отдыхаю, и деньги у меня лежат в кармане. Конечно, я воспринимаю эту жизнь не такой, какая она есть. Я ни одной секунды не заблуждаюсь. Мне кланяются в гостиницах и ресторанах и стараются предупредить мои желания потому, что там, в газетной бумаге, у меня есть кое-что. Я прекрасно знаю, что не будь там, в газетной бумаге, долларов — со мною обращались бы совсем по-иному. Я видел, как обращаются и в Берлине, и в Париже с людьми, у которых нет денег. Я видел, я знаю, как бедного человека, — и не то что бедного, а просто даже оказавшегося

Лучшая крестьянка-общественница. В июне в Богатишевской волости, Каширского уезда, Московской губернии, волеком партии совместно с уездным животноводом был проведен конкурс на лучшую крестьянку-общественницу. Тов. Медведева, председатель Облбесовского сельского комитета взаимопомощи, была премирована плугом за свою работу. Тов. Медведева пользуется большим авторитетом среди сельской бедноты, за всеми справками и советами неизменно идут к ней, она собрала 37 пудов семесуды, достала две зерноочистительные машины, и теперь все семена облбесовцев просортированы. Фот. В. Игнатовича.

в затруднительном положении, — сразу перестают понимать — просто, буквально перестают понимать. „Что? Что вы говорите? Что? У вас нет денег? Не понимаю! Так чего же вам нужно еще? Зачем же вы ходите по центральному улицам? Уходите, пожалуйста, куда-нибудь на окраины, к чортовой матери, куда-нибудь подальше!“ Я видел, я знаю, что такое закрытые двери, повернутые спины, равнодушные непонимающие глаза, брезгливая скука, внимательный взгляд полицейского, который, как маленький прожектор, безошибочно отыскивает в толпе этих самых пошатнувшихся, потерявших почву людей, у которых в кармане потертого пальто или пиджака засаленные, потрепанные по краям письма, в которых есть указания на то, что они должны получить деньги, но, знаете, вот, мол, задержки... Некоторые из этих писем в сгибах уже протерлись... Их нужно очень часто показывать. У этих людей воротничок пальто или пиджака поставлен, руки беспомощно висят или заложены в карманы, но без всякого выражения независимости. Они ходят вдоль стен, эти люди, и взгляд полицейского отыскивает их с перекрестка в любой толпе и внимательно провожает. В некоторых случаях им прямо даже подмигивают: намекают, что лучше бы им не гулять особенно.

О, со мной не может случиться этой мерзости! У меня ровно столько денег, сколько нужно для того, чтобы независимо гулять по этим улицам, бывать в театре, кушать рыбу и даже пить недорогое вино. Конечно, от этого у меня хорошее настроение — да, оттого, что я отдыхаю и я обеспечен. Загадки тут нет.

И я опять развлекаюсь. Иду на набережную. На маленькой набережной много детей, в том числе и грудных. Их подбрасывают смуглые руки южных животастых женщин. Веселый галдеж не заглушается выкриками грузчиков. Если свернуть в сторону, в мрачные средневековые переулочки, то в них можно видеть много занятого. Даже неслыханная, совершенно невообразимая грязь не мешает общему тону кажущейся беззаботности. Под грязными навесами темных и грязных крохотных кафе сидят за столиками всевозможного вида бездельники, что-то пьют, что-то сосут, едят маслины, грызут орешки. Посетители кафе довольно странные, если вдуматься... Вот сидит толстая растрепанная женщина с полуголым грязным младенцем на руках. Сидит за мраморным столиком и пьет что-то из длинной рюмочки. Удивительный посетитель... Тут же, около кафе — дикие отбросы. Вонь такая, что ни один химик не разберется в ее происхождении. Сладковатый запах длительного разложения густо перемешан с запахами сырости, мокрого белья, нечистот. Некоторые улочки никогда не высыхают от вечной вонючей слизи. Стены мокрые. И только белее висит на веревках всюду, куда ни смотрит глаз. Можно подумать, что здесь только тем и занимаются, что стирают белье.

И вдруг все срывается с места, летят на набережную к серому зданию полицейского комиссариата. В чем дело? Оказывается, свадьба. Две кареты подъехали к главному входу, — в одной невеста в белом платье, с вуалью, с цветочками, вплетенными в волосы, с букетом в руках. Лица ее не видно, — оно скрыто под вуалью, но что-то молоденькое и розовое все же просвечивает. Кареты старинные, на больших колесах, старый потрескавшийся лак на крыльях сам уже не верит в свою пышность. Возница — в грязноватом полуцилиндре, в синей мантии с белыми пуговицами и пелеринкой. Таких извозчиков несколько в Марселе, их берут по традиции. Вокруг много людей. Все хотят посмотреть на невесту. Галдеж, шум, взвизги, охи. Живая, веселая южная толпа!

Но вот новое событие: фокусник. Он разложил свой коврик, бегут к нему.

А порт, который тут рядом, живет своей жизнью. В нем все то же, что и во всех

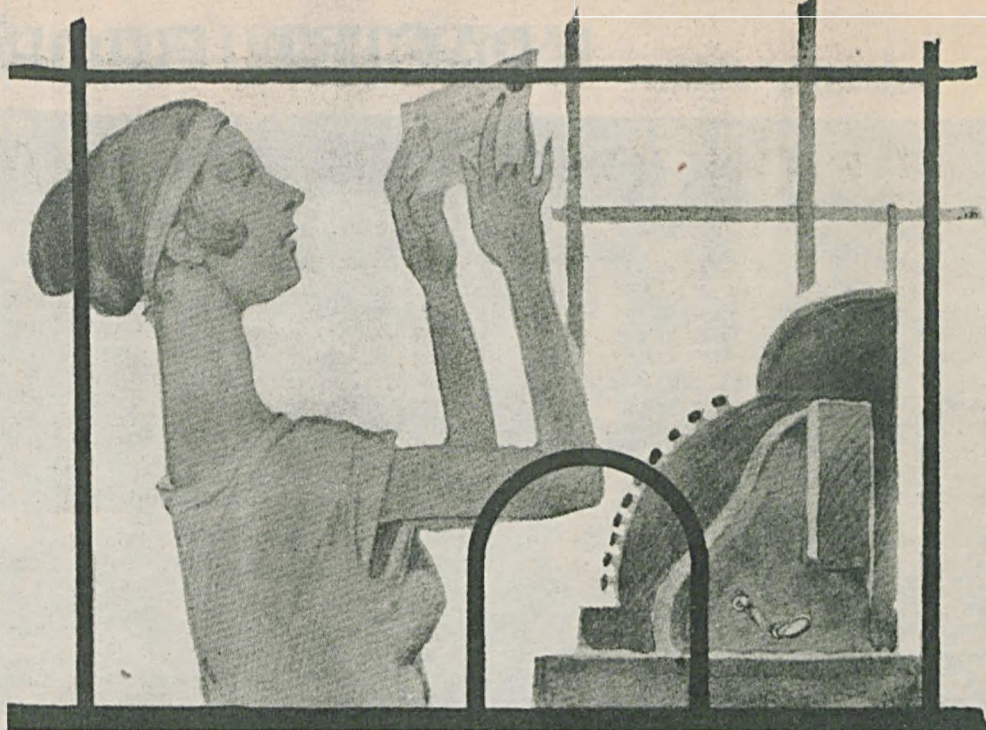

Иллюстрация К. Елисева.

ПЕСНЯ О КАССИРШЕ

Стихотворение Осипа Колычева.

Мне в распутицу и сырость
Эта песня продиктована
Белокурою кассиршей
Магазина продуктового.

В радужной оранжерее,
То ль из гипса, то ль из воска,
Восседает Лорелея
С удивительной прической.

Эта гейневская сказка
Так упряма и навязчива...
Под ее руками — касса
Плачет музыкальным ящиком...

Подойду и улыбнусь,
Улыбнусь в пушистый ус.

Пестрядь ленточек и шпилек
Вырутаю ласково.
— Дайте мне коробку килек...
Сыру голландского...

Отпустите наудачу —
Паюсной и кетовой...
Нагибается и сдачу
Подает кокетливо.

— Гражданин, свою получку
Получай... с полущкою...
— Я на эту на подушку
Семечек ползугаю...
И разменным серебром
В кошельке рокошет гром.

Есть такие... Тарабарят,
Разведут с уловками.
И различные товары
Кроют сторублевками.

Подойдет к кассирше, крикнет
С миной прохвоста.
— Нет для вас товара... — Как нет?..
— Нет, и очень просто...

Вскинет бровью золотистой,
Поглядит на солнце...
Нет приметы водянистой
В плутовском червонце.

— Ишь, волшебница какал...
И за дверь, порожний...
Ни ветчинки, ни какао,
Ни тебе пирожного...

Ну, а вечером — проверка
И костяшки-певчие...
Ты плывешь, как канонерка,
В океан копеечный.

И в порядке кассу сдав,
Строгий выполнив устав,
Отдыхаешь заодно
Дома и в кино.

Белокурою кассиршей
Магазина продуктового
Мне в распутицу и сырость
Эта песня продиктована.

Осип Колычев.

портах: вековая поэзия мачт, труб, снастей,
рокот волн, свистки, визг лебедек и, как
всюду, труд грузчиков. Все те же пятипудовые мешки, все тот же черный пот.

Вечером я проходил по пустынной улочке. Сидели трое: негр-грузчик и двое белых. Один считал деньги, другой смотрел безучастным взглядом, а негр плакал.

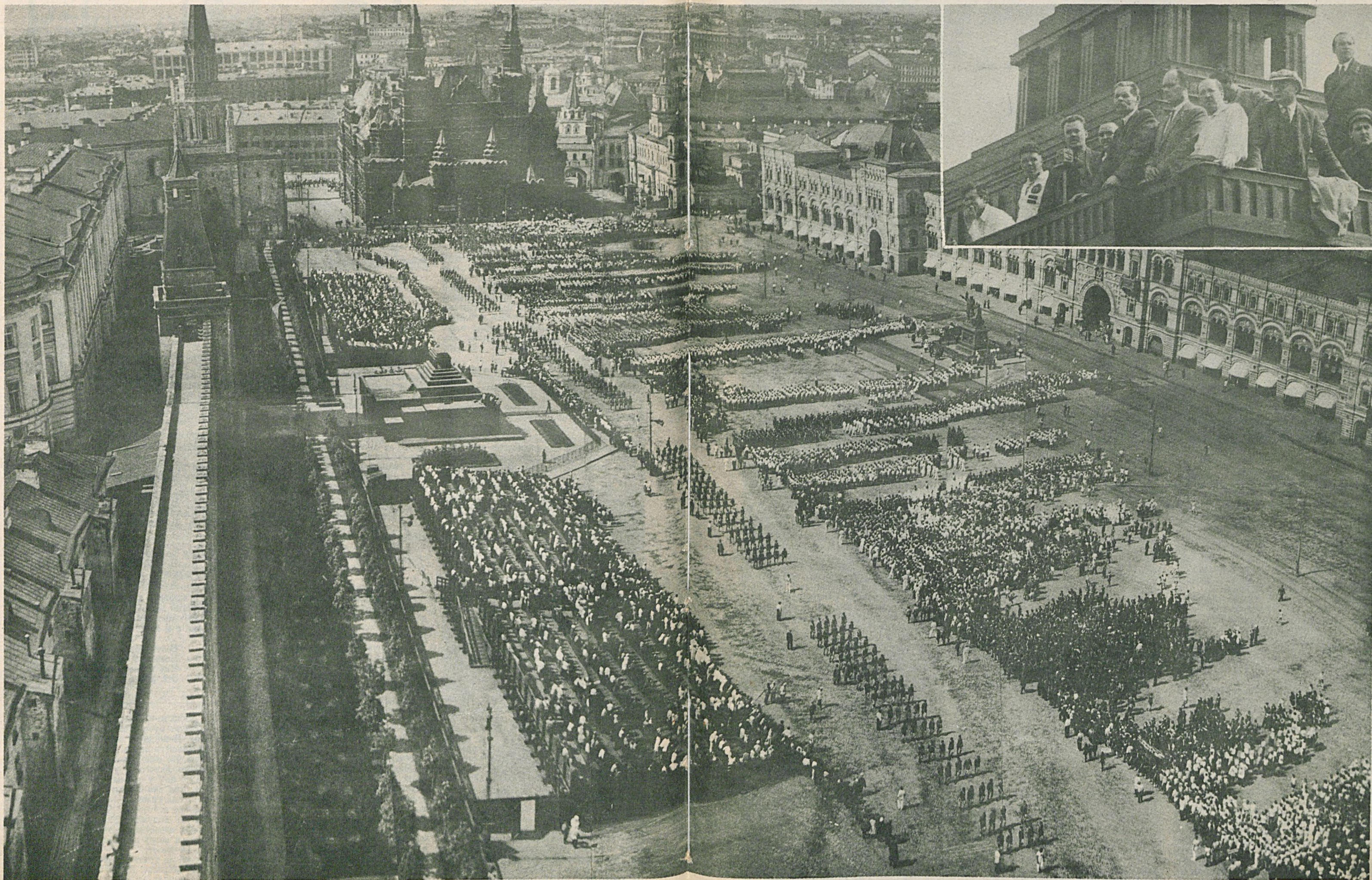
Я остановился. Ничего не было особенного в этом плаче. Я не знаю, отчего он плакал. Может быть, по пустяковой причине. Может быть, его обидели, или он совершил ошибку — трудно было разобраться в этом. Не знаю. Но я отошел и больше никуда не мог пойти.

Вот тут-то — так сразу, так резко, так нехорошо кончилось мое веселье в Марселе и кончается рассказ о поездке в этот „веселый“ город.

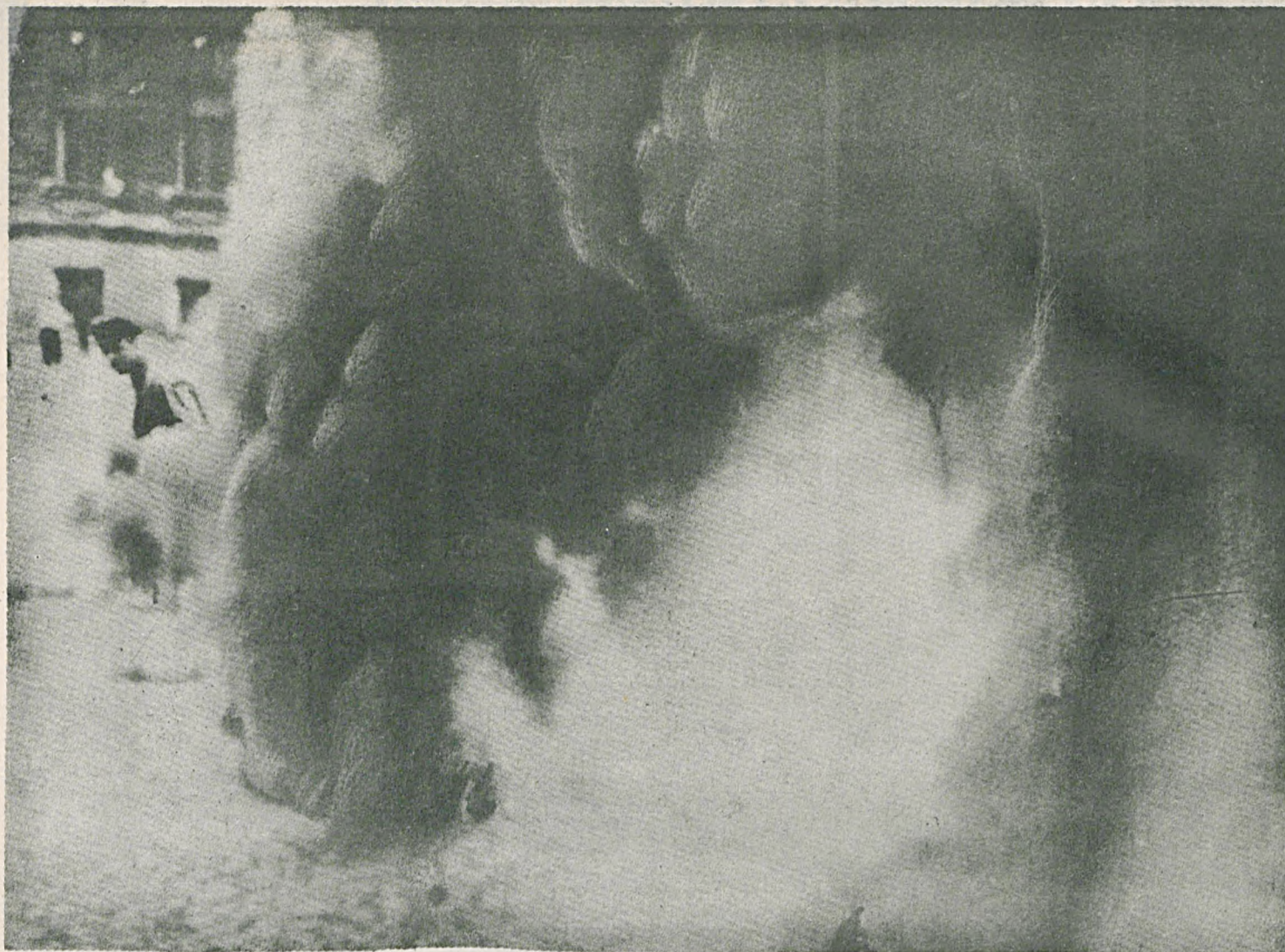
Жалость — одно из самых страшных чувств и самых мучительных по длительному действию. Никогда не забуду излома губ этого плакавшего негра. Отчего он плакал? Не знаю. Но ясно было — до горечи: нет у него никого, ничего. И у двоих рабочих, сидевших с ним у основания стены, тоже никого нет. Как они сидели на корточках, у стены... Как сидели... Да, это верно, у бедняков нет отечества. Ничего нет. Это верно. Это не выдумка. Да, это так. Мысль не новая, известная, но — верная. И вот, жалость к негру не уходит, стоит неотступно, — и колет.

Нет, не хочется больше писать о „веселом“ Марселе. Пусть остается рассказ неоконченным.

Ефим Зозуля.

Парад московских физкультурников, которые насчитывают в своих рядах 80.000 человек. Справа—представители ВЦСПС и МГСПС с Максимом Горьким наблюдают парад.

Упала бомба.

ЧТОБЫ НЕ ЗАСТИГЛИ ВРАСПЛОХ

Очерк Н. Кузьмина. Снимки С. Магази́нера и А. Серова.

В военном деле давно говорят: „Поразить—значит наполовину победить“. И действительно, когда на людей что-нибудь обрушивается неожиданное или необычное, то это настолько их поражает, что вызванная растерянность лишает их способности сопротивления, а иногда и возможности отразить нападение врага.

Рефлексология дает такое объяснение этому. Раздражение, получаемое через органы чувств (зрение, слух и пр.), передается по нервам в мозг, в ту его часть, которая соответствует данному типу раздражения. Затем раздражение передается в двигательный центр и далее в соответствующий мускул. Внешне это выражается в движении.

Если одно и то же раздражение повторяется много раз, то в мозгу образуются так называемые „проторенные пути“ и локализованные (местные) центры данного типа раздражения. Поэтому путь от момента раздражения до момента движения проходит с каждым разом легче и скорее, и в конце концов будет совершаться почти мгновенно. Это последнее называют „автоматическим действием“. Всякое новое раздражение, для которого „проторенных путей“ нет, проходит обычно как бы с трением, и ощущение этого трения и есть то, что принято называть сознанием.

Чем раздражение сильнее, тем оно больше охватывает мозг, и последний становится невосприимчивым ко всяким другим раздражениям. Наконец, бывают случаи, когда новое или неожиданное раздражение столь сильно, что весь мозг приходит в возбуждение. Происходит это потому, что или путей для этого раздражения еще нет

и центр соответствующий не выработан, или раздражение захватывает врасплох, потрясает, и тогда раздражение разливается по всему мозгу, и человек теряет контроль над собой, не знает, что ему делать, теряется. Если одно и то же раздражение, и притом большой силы, охватывает многих людей, то получается паника—безотчетный массовый испуг, который является высшим проявлением защитного рефлекса (инстинкта самосохранения). Если организм (мозг) подготовлен или предупрежден, или упражнения в прошлом создали „проторенные пути“, то растерянности, паники можно будет легко избежать.

Под таким углом зрения надо подойти к тому воздушно-химическому учению, которое было проведено в Ленинграде 2-го и 3-го июня. У нас много говорят об обороне страны, о готовности населения суметь защитить и отразить удары врага. Мы много говорим о воздушном нападении, о химической войне, но практически проделывать ряд мер, при помощи которых надо обеспечить себя от воздушно-химического нападения, до сих пор нигде не подумали.

Поэтому то, что проделано в Ленинграде, нужно самым решительным образом приветствовать и одобрить. Ленинградский округ совместно с Ленинградским Областным Советом Осоавиахима проделал первую и весьма показательную работу в области подготовки населения к защите от воздушно-химического нападения. Пусть кое-где были неувязки, пусть это не всегда было показательно для широких масс, пусть здесь много было условностей, много элементов от „игры“, но все же, как первую попытку поставить серьезно вопрос по

ознакомлению большого количества людей с мерами и приемами борьбы и поведением в случае воздушно-химического нападения, это учение надо считать удавшимся.

Прежде всего была проделана большая работа в смысле составления плана воздушно-химической обороны Московско-Нарвского района. Район этот занимает юго-западную часть Ленинграда, и площадь его равна 57 кв. км. В нем имеется около 10 тысяч строений, несколько сотен промышленных предприятий и ряд других важных как в стратегическом, так и в хозяйственном отношении объектов. Начальником военно-химической обороны района был назначен начальник одной из военных школ — тов. Федотов, которому пришлось провести очень сложную и весьма ответственную работу.

Принимая во внимание, что на период военных действий штаб военно-химической обороны (ВХО) перешел в помещение, указанное районным советом, и на все время боевых действий работа велась совместно с работниками районного комитета партии и районного исполкома, можно заключить, что учились и приобретали навык не только военные, но и товарищи, работающие в гражданских организациях. Штабом, помимо всего, были разработаны инструкции для: управдомов по борьбе с действиями зажигательных бомб, постов химического наблюдения, постов воздушного наблюдения, команд и дружин дегазаторов, и, кроме того, разработана памятка, указывающая обязанности каждого гражданина при воздушно-химическом нападении.

Весьма важным моментом является то, что большинство населения района было

известно о тех сигналах, при помощи которых оповещают о воздушной и химической тревогах и об отбое. Воздушная тревога объявлялась гудками, сиренами, фанфарами, а также по телефону и по радио. Химическая тревога также обозначалась звуковыми сигналами, которые устанавливались на объектах нападения и на сигнальных постах.

Чтобы „игру“-учение приблизить к действительности, был выделен специальный комсомольский отряд, который изображал отравленных, раненых и убитых. Этих „пострадавших“ по-настоящему вывозили из района „отравленного“ газами, и таким образом удалось проверить работу больниц и санитарного корпуса. Больницы в дни учения смогли предоставить 515 коек, работало 25 пунктов первой помощи и 45 летучих отрядов. За все время учений „пострадавших“ было свыше тысячи, которых действительно переносили на носилках и направляли на пункты и в больницы.

Интерес был очень велик, что видно из того, что предполагалось привлечь 6.500 рабочих, а в первый день явилось и записалось около 7.000.

На дни учения приехали представители Украины, Москвы и ряда областей и городов СССР. Военные также были привлечены из разных частей Красной армии.

Для того, чтобы проверить готовность и слаженность различных организаций по умению вести оборону, повреждения (условные) получило довольно большое количество крупнейших фабрик и заводов, вокзалы и некоторые дома. Большую работу

Красивы были также бои между отдельными самолетами.

Во всяком случае можно сказать, что учение устроено весьма своевременно, обстановка была близка к боевой, участвовала армия, авиация, артиллерия. Необходимо к такого рода учениям привлечь внимание всех гражданских организаций и населения. Из гражданских организаций оказались лучше всех подготовленными и тренированными пожарные части, затем химические команды Осоавиахима. Хорошо работали санитарные команды, мотоциклисты и велосипедисты.

Необходима упорная и настойчивая тренировка каждого завода, каждого предприятия по определенной годовой учебной программе, которая должна предусматривать и дневные, и ночные, и зимнее, и летнее учения. Партийные, профессиональные организации, Осоавиахим, и особенно заводу управления и директора — должны считать своей прямой обязанностью содействие развитию и организации противовоздушной обороны.

Дегазаторы за работой.

легкомысленное отношение и своеобразную „любовьщину“, выразившуюся в том, что иногда получалась игра в ряженных, когда люди, находясь в местности, условно зараженной газами, ежесекундно стаскивали противогазы. Такое отсутствие самой дисциплины есть, конечно, игра с огнем и может вызвать серьезную опасность во время настоящей борьбы. Следует отметить и один такой случай, когда отряд конной милиции промчался, не одев противогазы, через зараженную местность. Выдержанно и дисциплинировано вели себя военные пожарники и, за немногими исключениями, милиция.

Большое количество объектов, подвергшихся поражению, много „жертв“ и „разрушений“ — могут вызвать впечатление большой опасности для

Ленинграда. Надо иметь в виду, что такое количество „повреждений“ на деле причинят 200 — 300 самолетов при целой серии налетов, и притом лишь тогда, когда им не оказано было бы никакого сопротивления. Помимо военной защиты (авиация и зенитная артиллерия), Ленинград защищен еще и природой, которая позволяет летать только около 60 дней в году.

Во всяком случае учение это надо приветствовать. Оно показало наши недочеты, оно ознакомило многих со средствами воздушно-химической защиты, оно было первой попыткой познакомить с возможными способами нападения. В дальнейшем такого рода учения дадут возможность не быть застигнутыми врасплох и, в случае действительного нападения, отразить врага. Нужна тренировка и самодисциплина.

Н. Кузьмин.

Первая помощь пострадавшим.

проделали истребительные самолеты обороняющейся стороны. Самолеты по-настоящему принимали боевое положение и вели атаку на неприятельскую эскадрилью. Истребителям пришлось вести бой с самолетами противника на подступах к порту. Успешно выполнив задачу, они вынуждены были вести новую атаку на противника, появившегося в составе 18 самолетов над Путиловским заводом. Здесь защищавшими подступы к Ленинграду была проделана весьма эффектная и губительная для противника атака, которую провел отряд истребителей, напавший сп

реди, и два звена, атаковавшие сади.

Штаб обороны завода „Красный Треугольник“ во время сигнала о химической опасности.

ЭКРАН ЖИЗНИ

Очерк А. Р. Палей.

Есть писатели, чья жизнь является увлекательным, волнующим и поучительным романом. О Короленке говорили, что его жизнь — наиболее интересное из его произведений. С еще большим основанием это можно сказать о Горьком. Жизнь Горького — захватывающий сюжетный роман; герой его на протяжении шестидесяти лет, из мальчика, поставленного, казалось бы, в непреодолимые, ужасные условия, превращается в человека, которому с глубоким уважением внимает весь мир, в писателя с огромным влиянием, в творца величайших художественных ценностей. Напряженная борьба с гнетом невыносимых, звериных условий жизни у самого истока дней; первое знакомство с книгами и страстное увлечение ими; попытка самоубийства в 1887 г.; упорная многолетняя борьба с царским правительством, запечатленная во множестве исторических документов; многочисленные путешествия; знакомства с сотнями и тысячами людей; мировая слава.

Вот почему так интересно бродить по двум залам музея Горького, где его жизненный путь отмечен щедрыми веками в виде многочисленных документов, книг, писем, портретов, систематизированных сообщений. Все эти бумажные, на вид сухие свидетельства соединяются в мозгу наблюдателя в единый цельный образ, вспыхивают яркой, ослепительной картиной.

Горький неоднократно указывал, что его биография, заслуженно привлекающая настойчивое внимание современников, не является чем-то необычным для России, где из низов народных, преодолевая огромные трудности, пробиваются люди бодрости, энергии и таланта. Но Горький — один из самых талантливых русских людей, и трудности, которые ему пришлось преодолеть, исключительны. Потому его жизнь символична: в ней, как в фокусе, собраны лучи многих таких жизней. Потому так дорог и близок нам Алексей Максимович. Потому мы так внимательно рассматриваем все, в чем запечатлены этапы пройденного им пути.

Мальчик, рано узнавший все ужасы старой русской жизни, зверски жестокой, о которой с такой потрясающей силой рассказано на страницах „Детства“ и „В людях“, через книги узнал иные стороны жизни, полюбил жизнь и творчество страстной, активной любовью. Как дороги нам первые прочитанные им книги, эти наивные „Два туза и пиковая дама, или герои стукотки“, „Похожения Рокамболя“, „Американский дядя, или таинственные миллионы“, „Битва с кабардинцами, или прекрасная мусульманка“, „Подлинная история маленького оборвыша“, мирно покоящиеся ныне под стеклом музейных витрин. Мы смотрим на них с тем же чувством, с каким человек, видевший мощную Волгу, наклоняется над маленьким ручейком — ее истоком — ее истоком:

Из первых книг, прочитанных Горьким.

ком: чувство нежности и преклонения, одновременно. Мы проходим от начала до конца музея, и перед нами проходит огромная жизнь. Вот эти наивные книжечки, удостоверение об окончании школы — и вот, на другом конце, бесчисленные издания книг Горького, томы „Детства“, „Городок Окурова“, „Матери“, „Дела Артамоновых“, „Клима Самгина“, журналы, в которых участвовал Горький, журналы, газеты, книги, которые он издавал — многочисленные, артельные и сладостные плоды этой удивительной жизни.

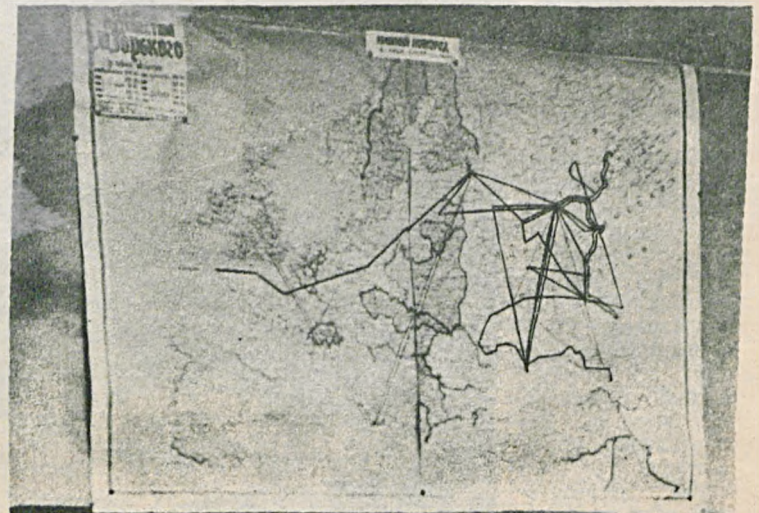
Общий вид одной из зал Горьковского музея.

Но Горький — не только писатель. Его страстная, настойчивая натура никогда не удовлетворялась одной кабинетной работой. Кроме художественно-творческой деятельности, он — издатель, публицист, горячий и неутомимый революционер, неизменный и действенный враг царского правительства. И оно, в свою очередь, не оставило его своим вниманием. Вся жизнь Горького — каждый его шаг — окружена пристальным наблюдением царских приспешников, и часто это внимание переходит в действие. Большое количество документов посвящено этой

стороне деятельности Горького. Здесь и письма, и телеграммы, простые и шифрованные, в том числе телеграммы „самого“ Трепова, донесения агентов охраны, секретные справки; здесь документы, отражающие аресты и тюремное заключение этого большого человека, который отнюдь не ограничивался пером писателя-художника в борьбе со всем мрачным, чем так богата была старая Россия. За всем этим посетитель музея следит по документам, тщательно и систематически подобраным.

Горьковский музей — не памятник; наоборот, это — экран. Экран жизни бурлящей, ищущей, не успокаивающейся. Здесь не только литературные труды писателя, не только материалы о его жизни и художественном творчестве. Вот газеты с его письмами, с его многочисленными откликами на явления жизни литературной и общественной.

Кто знает, сколько писем прочел и написал в своей жизни Алексей Максимович, сколько рукописей прочитано им, сколько книг и газет?

Карта путешествий М. Горького. На карте отмечены путешествия по Западной Европе и начало пути в Америку.

Летняя школа, организуемая по преимуществу в сельских районах, является продолжением зимней. Иногда для работы в ней привлекаются и дети, не учащиеся в школах. Она имеет исключительно большое значение, так как знакомит детей с явлениями природы и сельского хозяйства удобнее всего весной и летом. То, что изучено зимой в классной обстановке при помощи бесед, книг, картинок, опытов, — весной и летом проверяется, углубляется и расширяется в самой природе, в естественной обстановке сельского хозяйства путем привлечения детей к работе и путем экскурсий в образцовые хозяйства. Помещаем ряд снимков летних школ, организованных в Таганрогском округе: 1. Окончивший школу читает родителям полученное из школы свидетельство. 2. Экскурсия на пасеку. Учитель объясняет устройство сотов. 3. За проработкой материала, собранного во время экскурсии. 4. За полевой съемкой. 5. Учительницы с исполненным заданием.

Вот экспонат, заслуживающий самого, внимательного изучения со стороны всех, интересующихся жизнью и творчеством Горького, которые неотделимы друг от друга: карта Европы и СССР. Эта карта испещрена зигзагами разноцветных линий. Эти линии — путешествия Горького: он немало исходил и извездил по лицу земли, влекомый неутоимой жаждой познать жизнь во всех ее проявлениях, неисчислимым интересом и горючей любовью к людям.

В двух комнатах музея можно сидеть часами. Вы можете углубиться в чтение моментов из биографии Горького, это увле-

кательный роман, это — почти волшебная сказка. Услуживший за горничную и кухарку, ключник на набережной, посудник на пароходе, садовник, подручный пекаря, самоотверженный революционер, знаменитый писатель.

Вы можете задуматься над витриной, хранящей переписку Горького с Лениным, который глубоко ценил писателя и замечательного человека.

Вы можете увидеть фотографические снимки Горького, портреты и скульптуры, найти материалы по истории его творчества и критики о нем.

По вы заметите, что можно было бы еще пополнить этот музей. Жизнь и работа Горького богаты и неисчерпаемы. Какую огромную роль он сыграл, как пестун, поощритель, руководитель молодых дарований! Сколько писателей обязаны ему развитием своего творчества! Горький, как покровитель и учитель писателей — эта тема направляется в качестве одного из необходимых отделов музея.

Музей будет развиваться и станет достойным экраном, отражающим все стороны этой увлекательной и захватывающей жизни.

А. Р. Палей.

„ВИКТОРИНА“—ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия двадцать пятая — „ВСПОМНИТЕ, ЧТО ВАС ОКРУЖАЕТ“.

Рисунок Евг. Мандельберга.

Вы, читатель, бегаете в вихре важных забот и тревожений. Вы привыкли решать все в мировом масштабе. Но ощущаете ли вы и будничные вещи, факты, которые непосредственно вас окружают? Рассеянность и небрежность мы прощаем только профессорам, предполагая, что их мысли поглощены решением великих проблем науки. Если вы не профессор — будьте просто организованным и внимательным человеком. Оглянитесь кругом себя и ответьте себе и окружающим на некоторые вопросы, может быть и не совсем для вас обычные, но, право же, направленные на пользу вашего трудового и санитарного быта.

1. Назовите номер вашего профсоюзного билета.
2. Какого цвета обои в вашей комнате?
3. Что вы ели сегодня утром?
4. На какую сторону (север, юг, запад, восток) обращено окно вашей комнаты?

5. Сколько у вас своих зубов?
6. Сколько окон по фасаду дома, в котором вы живете?
7. Какого цвета стул в вашей комнате?
8. Назовите номер вашего жилтоварищества.
9. Скажите, не глядя на ваш костюм, какого он цвета.
10. Сколько квартир в доме, где вы живете?
11. Скажите «наизусть», сколько карманов в вашем костюме.
12. Сколько у вас уходит в месяц на стол?
13. Сколько ступенек до вашей квартиры?
14. В какой цвет выкрашен дом, в котором вы живете?
15. Какими словами начинается радиопередача со станции «Коминтерн»?
16. Когда точно вы были в последний раз в кино или в театре?
17. Вспомните, не глядя на свои часы, какие цифры на их циферблате — римские или арабские.
18. Какое объявление висит на входной двери дома, в котором вы живете?
19. Сколько квадратных саженей в комнате, где вы живете?
20. Как звали вашего прадеда?
21. По какой срок действительно ваше удостоверение личности?
22. Какого цвета дверные ручки в вашей комнате?
23. Сколько стоят выкуренные вами за день папиросы?
24. Когда вы меняли в последний раз белье?
25. Назовите дату вашего рождения по новому стилю.

Военно-спортивные игры. На помещения клуба им. Кухмистерова празднование 10-летия Государственного Центрального института физкультуры было перенесено на стадион. Спортивный праздник продолжался два дня. Второй день праздника был посвящен не только спортивным номерам, — большое место занимали военные игры. На спортивной площадке образовалось миниатюрное поле военных действий. Были стрельба, бег, гранаты, самодельный танк, лазанье и проч. Фот. В. Игнатовича.

Ответы к двадцать четвертой серии „ВИКТОРИНЫ“

1. Дворец Искусств, бывш. Зимний дворец, в Ленинграде.
2. Здание, в котором помещался МК РКП (б), взорванное анархистами 25/IX 1919 года.
3. Здание ОГПУ.
4. Бывш. дворец Кшесинской в Ленинграде, где до Октября помещался Петербургский Комитет партии большевиков.
5. Институт Ленина в Москве.
6. Большой театр в Москве. Ночной снимок.
7. Новое здание Московского телеграфа.
8. Всесоюзная Академия Наук.
9. Шалаши, в котором скрывался В. И. Ленин после июльских дней 1917 года.
10. Дом в Минске, где в 1898 г. заседал первый съезд РСДРП.

Двадцатилетие со дня смерти Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА будет отмечено нашим журналом в следующем номере.

Генерал Нобиле, вся команда его дирижабля и авария дирижабля сделали центром внимания всего мира. Наш снимок

изображает генерала Нобиле с дочерью.

Генерал от интервенции. Японский генерал Фукуда, типичный представитель японской военщины, начальник японских войск в китайской провинции Шаньдун, во время русско-японской войны находился при командующем японскими войсками, известном генерале Ояма. Генерал Фукуда — герой недавнего инцидента в Цзинане. После занятия Цзинаня японскими войсками в начале мая этого года, японские части спровоцировали китайцев на столкновение, в результате которого

разгорелся японо-китайский конфликт. Генерал Фукуда (слева) предъявил китайскому командованию ультиматум о выводе нанкинских войск из Шаньдуна и, основываясь на «необходимости охраны жизни и имущества японских граждан», своими действиями положил начало ничем не прикрытой военной интервенции Японии в Северном Китае.

Банноты двухчервонного достоинства. Выпуск банковских билетов в 2 червонца, согласно постановления правления Госбанка, должен начаться 15 июня с. г. Выпуск новых банкнот должен представить собой значительные удобства

для населения, а вместе с тем и для Государственного банка в виду того, что этот выпуск должен сократить обращение билетов одночервонного достоинства. Это облегчит также хранение денег для населения и в то же время сократит расходы

Мюллер — рейхскандлер. Германская буржуазия не потеряла хорошего расположения духа оттого, что старого «надежного» Маркса заменил социал-демократ Мюллер. Отчего бы им волноваться? Ведь Мюллер — Герман Мюллер принимал участие в деле подрыва германских Советов в начале революции; это он,

будучи в 1920 г. рейхскандлером, шел об руку с буржуазией и старой офицерщиной в наступление против всех остатков революционных завоеваний германского пролетариата; это он был не последним в деле кровавого разгона Баварской Советской республики и т. д., и т. д.

Гусиный шаг прусских солдат во времена старого кайзера заключался в том, чтобы возможно выше поднимать ноги при ходьбе, вытянув колено и задрал голову. «Стальной Шлем», очевидно, свято блюдет кайзеровские традиции, так как, со-

бравшись недавно на парад в Гамбурге, он старался перед «светлыми очами» Гинденбурга ничем не отличаться от оловянных солдатиков Вильгельма.

"Светлая личность"
Сатирическая повесть
Н. А. Карпова и Э. В. Кольгааса
— с иллюстрациями М. В. Огонька!

Госбанка по изготовлению банковских билетов. Выпускаемые банкноты имеют сходство с банкнотами одночервонного достоинства образца 1926 года, так как они также имеют цветную печать, но на этих банкнотах надписи с обозначением достоинства сделаны уже не на одном языке, а на 6 языках союзных республик. По внешнему своему виду новые банкноты приближаются к банкнотам заграничных образцов.

Японские хищники. События последних дней показывают, что Япония не земедлила воспользоваться первым же подходящим случаем, чтобы захватить Манчжурию и дать возможность разрешить назревшие проблемы сырья для японской промышленности. На улицах Пекина и Мукдена происходит упражнение японских солдат, в Корею перебрасываются дополнительные

ные войска. Японское правительство ассигнует миллионы на покрытие расходов по китайской экспедиции. Япония, очевидно, считает настоящий момент подходящим для того, чтобы под тем или иным соусом превратить Манчжурию в составную часть «великой Японии». На улицах Мукдена японские солдаты чувствуют себя полными хозяевами и подвергают мирных граждан налетам и обыскам.

В «Библиотеке Огонек» вышла книжка немецкого писателя Генриха Клейста. Клейст известен, как острый наблюдатель, пристрастный к психологически-необычному. Однако, к сложным вопросам он подходит прямо и просто, и это придает его повествованию ясный классический характер. Клейст справедливо

ГЕНРИХ КЛЕЙСТ
МИХАЭЛЬ КОЛЬГААС

считается одним из лучших немецких писателей нового времени. Сюжет его повести «Махаэль Кольгаас» — основан на данных истории XVI века.

Две книжки Н. А. Карпова, вышедшие в «Библиотеке Огонек» пользовались заслуженным успехом. Такой же успех, несомненно, ожидает и третью книжку юмористических рассказов этого автора — «Большой вуб». Среди советских писателей, пишущих юмористиче-

ские рассказы, Н. А. Карпов выделяется своеобразной манерой. Третья книжка отличается от первых двух разнообразием тем.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГУСТАВ

Письмо из Берлина.

Если вы спросите, какой Густав был до сих пор самым популярным в Германии, то каждый немец вам ответит: конечно, носитель нобелевской премии мира, министр иностранных дел, доктор Густав Штрессман. Целых пять лет он боролся за франко-немецкое сближение; он завтракал с Брианом и курил сигары с Полем Бонкурсом; но все же ему не удалось добиться ни освобождения рейнских провинций от оккупации, ни сокращения репараций.

Теперь объявился новый великий Густав, который переосвоил его; Густав, которого чествуют с одинаковым восхищением и берлинцы, и парижане. Он не доктор, не удостоен нобелевской премии мира; он только скромный старый берлинский извозчик, по имени Густав Гартман.

Тяжело живется немногим еще уцелевшим извозчикам в Берлине, этим последним могиканам доброго старого времени. Они одиноко стоят со своими тощими клячами и расхлябанными дрожками перед вокзалом, затмеваемые сотнями красивых, блестяще лакированных такси. Эта смена означает их смерть. Густав Гартман также стал жертвой усовершенствованной техники передвижения и влачил печальную тихую жизнь в берлинском предместьи. Но он не хотел умереть, не сделав со своей верной клячей „Эрасмус“ и старой пролеткой путешествия, о котором должен был заговорить весь мир и которое показало бы человечеству, что есть еще люди в разбитой армии извозчиков, могущие гордо сидеть на козлах...

2 апреля уселся на козлы 68-летний старик с красивой „под лопату“ бородой и блестящим белым лакированным кучерским цилиндром. Он покинул столицу Германии, взяв курс на Париж, и на этих днях, как раз ко дню своего рождения, после двухмесячного странствования по шоссе дорогам Германии и Франции достиг долгожданной цели.

Его встреча на берегах Сены превратилась в триумфальное шествие. Парижские извозчики приветствовали и угощали своего немецкого коллегу; студенты Латинского квартала, журналисты и кино-операторы набросились на этого „вестника мира“, „Диогена XX столетия“; на радостях не

знали, какую ему еще дать почетную кличку. Одним ударом сделался новый Густав знаменитостью. На банкете в германском посольстве он сидел рядом с графинями, визави с баронами, произносил вдохновенные речи и уверял всех, что никогда так вкусно не ел и не пил.

скорейшему устранению камня преткновения (речь идет о рейнских провинциях), который все еще лежит на пути сближения Германии и Франции“.

Другие газеты также уповают на скорый осязательный результат, с глубоким чувством удовлетворения отмечая, что на-

Немецкий извозчик Густав Гартман, проехавший в своей пролетке из Берлина в Париж, не доезжая нескольких километров до Парижа, выслушивает указания полицейского, какой дорогой ему ближе всего добраться до конечной цели.

Германская печать в экстазе. То, что не удалось Густаву Штрессману, выполнит извозчик Густав Гартман. Официозный орган миинидела с серьезным видом рассуждает: „Факт такого сердечного приема нашего соотечественника парижанами имеет несомненное политическое значение. Встреча, устроенная в Париже „Железному Густаву“ (так прозвали его французы), есть новое подтверждение того факта, что французское общественное мнение не противится

ряду с воздушным сообщением между Парижем и Берлином даже движение вырождающихся извозчиков пролагает путь к сближению народов.“

Под конец Густаву показали весь Париж с высоты аэроплана. Осчастливленный этим редким переживанием, он все же предпочитает вернуться на родину испытанным способом на своем верном друге „Эрасмусе“.

Владимир Г.

„АЛЬБИДУМ“. В ближайшее время „Межрабпом-Русь“ выпускает первый производственный кино-роман „Альбидум“. Сценарий написан А. Брагинским и ботаником Х. Авторы поставили своей целью сделать кино оружием борьбы за разрешение важнейших хозяйственных проблем. Действие разворачивается в Поволжье. Каждые три-четыре года этот район — под угрозой не только неурожая, но и голода. Засуха в Поволжье и в соседних районах — удар по всему нашему народному хозяйству. „Аль-

бидум“ — попытка ввести кино в борьбу на пшеничном фронте. Действие „Альбидума“ развернуто в одной из коммун Поволжья, у границ пустыни. Начало действия — 1921-й год. Главные герои — участковый агроном и кооператор. Их героическая борьба за засухоустойчивые семена проходит под ударами волокиты, бюрократизма, отсталости деревни и подрывной работы мировых хлебных бирж. Вторая проблема фильма — борьба вновь выведенных нашими опытными станциями высококачествен-

ных сортов пшеницы за первенство на мировом хлебном рынке. Съемки производились в Воронежской губернии, на Саратовской опытной станции, в Новороссийском и Ленинградском портах и в Америке — на чикагской хлебной бирже. В главных ролях: О. А. Жизнева, Галина Кравченко, Уральский, Грозов, Ценин, Писецкий и др. На снимках: агроном (артистка Жизнева) за опытным посевом новой пшеницы; погрузка пшеницы (альбидума) в Новороссийском порту.

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Неприятные редакции рукописи не возвращаются. Перепечатки без указания источника — воспрещаются. РЕДАКЦИЯ — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОПИТОРА — Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56 и 4-62-19. Отд. Распрост. — 5-51-69 и 1-35-23; Почт. я. — 4-23-45. Московская Копирка и Городская экспедиция — 1-28-19 и 1-28-20. Режиссерский отд. — 3-91-48. Бюро иностранных объявлений — 4-64-40. Адрес для телеграмм — Москва Огонек. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1, тел. 5-26-09. ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 стр. — 2.400 р., строка конпарелли — 4 р., сверх тарифа — 10% палатка. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1928-й г.: „ОГОНЕК“ без приложений — с 1 июля, (6 мес.) — 2 р. 40 к., 8 мес. — 1 р. 20 к. и 1 мес. — 40 к. „ОГОНЕК“ с прил. Библиотека „Огонек“: 6 мес. — 7 р., 3 мес. — 3 р. 75 к. и 1 мес. — 1 р. 40 к. ЗА ГРАНИЦУ — „ОГОНЕК“ без приложений: 6 мес. — 1 д. 75 ц., 3 мес. — 90 ц. и 1 мес. — 30 ц. „ОГОНЕК“ с приложениями Библиотека „Огонек“: 6 мес. — 4 д. 60 ц., 3 мес. — 2 д. 40 ц. и 1 мес. — 90 ц. Отдельный номер „Огонька“ — 3 ц.

Главит № А.15.899. Offset-печать типо-литогр. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“, Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 438.000.

КУДА БЫ ВЫ НИ ЕХАЛИ

в отпуск, в командировку, на курорт, на дачу, все равно — на долгое или на короткое время, советуем взять с собой в дорогу очередную вышку „РОМАН-ГАЗЕТЫ“.

Новый формат „РОМАН-ГАЗЕТЫ“ делает ее удобной для чтения при всякой обстановке.

В каждом номере „РОМАН-ГАЗЕТЫ“ — стоящем 25 к. — новый большой, вполне законченный художественный роман русского или иностранного писателя, примерно равный книге в 250—300 страниц, обычно стоящей от 2 до 3 рублей.

Читатели „РОМАН-ГАЗЕТЫ“ участвуют в розыгрыше

500 ЦЕННЫХ ПРЕМИЙ

Главная премия стоимостью в 1500 р., с заменой облигациями займа индустриализации.

Подписку принимает Издательство „Московский Рабочий“

Москва—Центр, Кузнецкий Мост, 7.

РОМАН-ГАЗЕТА

Продается во всех газетных и книжных киосках.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ
производственный
КООПЕРАТИВ
„НАРМУЗ“

ВЕНСКИЕ 2-х и 3-х рядные
хроматич. баяны
гармони
и полубаяны, ги-
тары, мандолины,
БАЛАЛАЙКИ. Требуется иллюстриров.
прейс-кур. за две 8-коп. марки, влож.
в конверт. Москва, Арбат 55/о.

ЕСЛИ Вам необходимо
поместить
ОБЪЯВЛЕНИЯ
в провинц. газетах
ОБРАЩАЙТЕСЬ ИНОГ-
РОДНИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ
Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“
Москва 6, Страстн. бульв., 11.
Тел. 4-64-40.

ВЫШЕЛ № 6

Ежемесяч-
ного иллю-
стрированного
журнала,

ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

культурно-
бытового и до-
машне-хозяй-
ственного

Содержание. Статьи, очерки: Кустарка организуется. Никаких крайностей. О занавесках. Оздоровим быт детей. Книго. Болезни женщин. Лечение воздухом и водой. Чешуйчатый лишай. Пионерские лагеря. Детские игры. Кройка и шитье. Дом и хозяйство. Рукоделие. Питание.

Рассказы: Илья Ренц — Ревность. А. Сергеев — Пониматель. Т. Петрова — Кошки.

Стихотворения: Страхова — Ночью. Петр Шамов — Подолки.

Приложения: 1) Детский Уголок, 2) Выкройка детского костюма, 3) Контурный лист.

Цена отдельного № — 1 руб. 30 коп.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ ГАЗЕТНЫХ КИОСКАХ.

Полугодовая подписка с 1-го июля до конца года — 5 р. 50 к., 3 месяца — 3 руб.

Полугодовым подписчикам: бесплатная премия — 10 книжек „Библиотеки Огонек“; за доплату в 1 рубль — „Альбом Рукоделий“ или „Кулинарная Книга“.

Переводы адресуйте: Москва 6, Страстной бульвар 11.

Издательскому Обществу „ОГОНЕК“

Перья Карандаши фирмы Гаммер

АМЕРИКАНСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ КОНЦЕССИЯ
А. ГАММЕР МОСКВА СОФИЙКА 6.

с уценкой в 70%
„Библиотека СПОРТА“
7 кн., вместо 6 р. 45 к. — 1 р. 90 к.
Заказы с задатками (не менее 25%) можно почтой. Марками.
АДРЕСОВАТЬ: ЛЕНИНГРАД,
ул. 25 Октября, № 4.
Торгсектор, Центр. Тип. И.И.В.И.

СТАНДАРТНЫЕ ПОСЫЛКИ

№ 3. БРИТВА безопасн. с дву-
мя лезв. и прибор для бритья
6 р. 50 к.
№ 52. БРИТВА безопасн., 2 лез-
вия и кисть — 3 р. 60 к.
№ 30. ФУТБОЛЬНАЯ: покрыв-
ка, камера и шило — 6 р. 40 к.
№ 32. РЫБОЛОВНАЯ — набор
принадлежностей — 3 р. 25 к.
№ 42. РУЖЬЕ-берданка и 24 шт.
гильз — 24 руб.
№ 57. Набор инструментов для
выпиливания — 8 р. 50 к.
№ 45. АЛМАЗ для простого сте-
кла — 4 р. 25 к.
№ 46. ТОЖЕ для бесек. — 5 р. 65 к.
№ 17. ЧАСЫ-ходики, стени. — 5 р.
№ 43. ГРАМОФОННЫЕ иглы,
1000 штук — 7 р. 75 к.
№ 1. НАЦПРИНАДЛЕННОСТИ
25 предметов, — 3 р. 75 к.
№ 51. ТАБЛЕТКИ для приготова-
ления ликеров и настоек, 24 шт. —
3 р. 50 к.
Цены с упак., пересылки и
премией.
Заказы выполняются по полу-
чению всех денег вперед.
ГОСУД. ПОЧТ.-ПРЕДП. УНИВЕРПОЧТ.
Москва, 12, Москворецкая ул.,
д. № 24/ст.
Общий преис-куронт 30 коп.

ЕДИНСТВЕННОЕ РУКОВОД. КРОЙНИ
„ДРУГ ПОРТНОГО“

по новой пропорциональной системе
статского, военного и детского пла-
тья на основан. 4-х главн. мерок,

ДАНСКОГО ПЛАТЯ

на основ. 5-ти главн. мерок для
высок. фигуры и телосложения,
смет. в сантиметрах и масштаб.
Изд. 2-а, Д. ЛЕВИТАНУС.
1927 г., 122 стр. С 150 черт. альб.
разм. Ц. 5 р. 60 к. с перес. Высл.
наложен. плат. без задатка
КНИЖНИЙ МАГАЗИН „ТРУД“.
МОСКВА, Центр, Мокшова, 15/б.

ГОСИЗДАТ

ТРЕБУЙТЕ НОВЫЕ БЕСПЛАТНЫЕ КАТАЛОГИ 1928 г.

ВЫШЛИ:
НОВОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Изд. 3-ье, дополн., содерж. также „БИБЛИОТЕКУ для
ВСЕХ“, изд. „Прибой“.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ СЕРИИ:
Вып. I. ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.
Вып. II. „НАУКА для ВСЕХ“, „НАЧАТКИ НАУКИ“, „НА-
ЧАТКИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ“, „НАЧАТКИ ЗНАНИЯ“, „НАУКА
и ЖИЗНЬ“, „НИЖНЯЯ ПОЛКА РАБОЧЕГО“.

КНИГИ для РАБОЧИХ ВЫХОДЯТ
из ПЕЧАТИ
БИБЛИОТЕКА МОЛОДЕЖИ
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВ
„РУССКИЕ и МИРОВЫЕ КЛАССИКИ“

Каталоги можно получить во всех магазинах ГОСИЗ-
ДАТА или же выписать по адресу МОСКВА—Центр,
ГОСИЗДАТ, „КНИГА—ПОЧТОЙ“.

Вниманию

подписчиков
ГАЗЕТ и ЖУРНАЛОВ!

НЕ ЗАБУДЬТЕ ВОЗОБНОВИТЬ
с 1-го июля
подписку на
**ВСЕ ГАЗЕТЫ и
ЖУРНАЛЫ**
через Акц. Издат. О-во „ОГОНЕК“
Москва 6, Страстн. бульв., 11.

У СЕБЯ ДОМА

каждый может легко приготовить
ПРЕВОСХОДНЫЙ НЕФИР
из кефирных лепешек провазора
Я. И. Александрова, разрыхленных
Наркомандрамом Р. С. Ф. С. Р.
ЛЕНИНГРАД, Саперный, 5, кв. 6.
тел. 5-40-92 Пров. Я. И. Александрову.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую или новую, или старую,
высылает налож. платеж. в 3-дней.
срок Отдел почтовых отправлений
КНИЖНИЙ МАГАЗИН ВЦСПС.
МОСКВА, Кузнецкий Мост 20.

